

Санкт-Петербургский государственный университет.
Институт истории

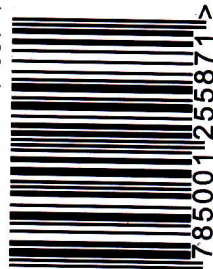

М. М. Холод

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ
(ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ)**

*Учебно-методическое пособие
для обучающихся по направлению
подготовки «История»*

ISBN 978-5-00125-587-1

9 785001 255871 >

Санкт-Петербургский государственный университет.
Институт истории

М. М. Холод

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ
(ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ И РИМЕ)**

*Учебно-методическое пособие
для обучающихся по направлению
подготовки «История»*

Санкт-Петербург
РЕНОМЕ
2021

*Рекомендовано к использованию в образовательном процессе
в качестве учебно-методического пособия Учебно-методической комиссией
по укрупненной группе специальностей 46.00.00 «История и археология»
Санкт-Петербургского государственного университета*

Рецензенты:

*д. и. н., профессор А. Ю. Прокопьев (СПбГУ),
к. и. н., доцент В. А. Дмитриев (ПсковГУ)*

Холод, М. М.

Источниковедение античной истории (историческая традиция в древней Греции и Риме). Учебно-методическое пособие для обучающихся по направлению подготовки «История» / М. М. Холод ; Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории. — Санкт-Петербург : «Реноме», 2021. — 52 с.

ISBN 978-5-00125-587-1

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов СПбГУ, обучающихся по направлению подготовки «История» для получения степени бакалавра. Это пособие может быть использовано также и в процессе изучения разных учебных дисциплин по античной истории и культуре, читаемых в рамках иных образовательных программ.

Оно включает в себя комплекс материалов, которые призваны помочь обучающимся в освоении учебного курса «Источниковедение античной истории»: сформулированы его цель и задачи, представлены организация, структура и содержание учебных занятий, даны методические указания по освоению учебной дисциплины, приведены темы для докладов и рефератов, вопросы для промежуточной аттестации, а также список источников и литературы. В конце прилагается хрестоматия, в которой собраны наиболее важные фрагменты из сочинений античных историков, непосредственное знакомство с которыми позволяет обучающимся получить более глубокие знания по курсу.

УДК 930.2
ББК 63.211

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
1. Цель и задачи курса.....	5
2. Организация, структура и содержание учебных занятий.....	6
3. Методические указания по освоению курса.....	11
4. Темы для докладов и рефератов.....	12
5. Вопросы для промежуточной аттестации.....	13
6. Источники и литература по курсу.....	14
7. Приложение. Хрестоматия.....	19

ВВЕДЕНИЕ

Для реконструкции античной истории требуется использование разных видов источников — археологических, эпиграфических, папирологических, нумизматических и т.д. Но бесспорно то, что главным здесь является обращение к дошедшим до наших дней литературным произведениям, точнее — сочинениям древних историков. В самом деле, только они дают нам связанное изложение событий, в то время как другие виды источников способны предоставлять исключительно фрагментарные сведения, выступающие пусть и важным, но все же дополнением к тому, что нам известно из исторических сочинений.

Уже поэтому предмет курса античного источниковедения может быть вполне ограничен изучением исторической традиции, нашей отражение в произведениях греческих и римских писателей, тем более что с другими видами источников студенты должны так или иначе познакомиться в рамках особых учебных дисциплин. Однако не только отмеченная первостепенная важность античной исторической традиции по сравнению с иными видами источников оправдывает выделение для ее изучения отдельного курса. В данной связи следует принимать во внимание и ее значение в качестве исходной точки и образца для всего последующего историописания. Действительно, история как наука, как особый вид рационального научного знания была детищем именно античности. Только на ее почве она превратилась в индивидуализированное историописание, нацеленное на научную реконструкцию прошлого и при этом проникнутое оригинальной идеей. Не кто иной как античные историки определили принципы и методы познания и репрезентации прошлого, поставили и предложили свое решение (пусть иногда и несовершенное) проблем, с которыми сталкивается в своем «ремесле» историк. Нет сомнения, что знание подобного греко-римского опыта необходимо для всякого современного историка, сознательно относящегося к своей профессии: обращение к нему позволяет гораздо лучше понять, как развивалась историческая мысль вообще, начиная с ее истоков и до сегодняшнего дня, а также более адекватно оценить, а следовательно, и предложить более обоснованное решение новых вызовов, с которыми сталкивается история как наука. Отсюда — важность сравнительно подробного ознакомления студентов-

историков с наследием античной исторической мысли, с памятниками греко-римского историографии — не только с теми, которые были созданы ее великими классиками, но и с теми, которые относятся к кругу произведений, так сказать, «второго плана»: без внимания к последним недостижимо создание целостной картины сложного развития античного историописания, отнюдь не состоящего только лишь из его общеизвестных вершинных достижений. Совершенно очевидно, что сделать все это можно именно в рамках отдельного курса. Кроме того, такое особое внимание к античной историографии позволяет студентам, прежде всего тем, которые специализируются по древней истории, лучше представить для себя значение античных исторических трудов как источника для изучения греко-римского прошлого, понять в данной связи достоинства и недостатки каждого из рассматриваемых по ходу курса произведений, его специфику.

Настоящее учебно-методическое пособие ориентировано на программу учебной дисциплины «Источниковедение античной истории», которая предусмотрена компетентностно-ориентированным учебным планом основной образовательной программы бакалавриата по направлению подготовки «История» (Институт истории СПбГУ). В качестве приложения к пособию представлена хрестоматия, в которой нами собраны наиболее важные — в свете рассматриваемого в рамках курса материала — фрагменты из произведений греческих и римских историков. Подобная хрестоматия должна быть полезна как для преподавателей, которые могут брать из нее релевантные цитаты для своих лекций, так и для самостоятельной работы студентов при освоении ими данной учебной дисциплины.

1. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ КУРСА

Целью изучения дисциплины «Источниковедение античной истории (историческая традиция в древней Греции и Риме)» является создание у студентов целостной и при этом разносторонней картины развития исторической мысли и историописания на протяжении всей античной эпохи — от их зарождения и последующего становления исторической науки у греков до позднеантичного времени, когда на смену греко-римским

традициям историографии приходит христианское историописание с совершенно иными принципами и общей парадигмой исторического знания.

Для достижения этой цели должны быть решены следующие задачи:

– выяснено значение античных исторических сочинений как источника для изучения греко-римского прошлого;

– изучено творчество греческих и римских историков, как тех, произведения которых знаменуют вершинные достижения античной исторической мысли, так и ряда тех, которые являются представителями, так сказать, «второго плана» в античной историографии;

– выявлены на основе изучаемого материала особенности античного историописания, отличающие его как от фиксации прошлого у других древних цивилизаций, так и от более поздних христианских исторических трудов;

– прослежена взаимосвязь греко-римского историописания с современной ему общественной мыслью, в том числе философской, а с другой стороны, воздействие на него риторики и, таким образом, определено его место в ряду иных достижений гуманитарного знания античной цивилизации.

2. ОРГАНИЗАЦИЯ, СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ

Организация

В соответствии с программой учебной дисциплины «Источниковедение античной истории», предусмотренной компетентностно-ориентированным учебным планом основной образовательной программы бакалавриата по направлению «История», этот курс рассчитан на 24 часа (контактная работа обучающихся с преподавателем), из которых 12 часов приходится на лекции и 12 часов – на практические занятия. На самостоятельную работу (с использованием методических материалов) выделены 9 часов. Вид промежуточной аттестации – зачет.

Структура

№ п/п	Наименования темы (раздела, части)	Вид учебных занятий	Количество часов
1	Введение. Историческая память в ранней греческой поэзии. Логографы	лекции практические занятия по методическим материалам	2

2	Геродот и становление правильного историописания	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
3	Фукидид – создатель научного метода в истории	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
4	История в творчестве Ксенофонта	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
5	Складывание риторической историографии в IV в. до н.э. Развитие жанра локальной историографии	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
6	Историописание в эпоху эллинизма. Полибий	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
7	Возникновение историописания у римлян. Анналисты	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
8	Римская историография времени поздней Республики	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
9	Римская историография времени ранней Империи	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
10	Римская историография времени поздней Империи	лекции практические занятия по методическим материалам	2 1 1
11	Греческое историописание в Римской державе	лекции практические занятия	2

	по методическим материалам	1
--	----------------------------	---

Содержание

Тема 1

Введение. Цели и задачи курса. История как наука – детище античной цивилизации, причины этого. Историческая память в гомеровских поэмах. «Труды и дни» Гесиода: первая схема исторического развития общества в европейской культуре. Элементы исторической памяти в лирической поэзии архаического периода. Логографы, общие особенности их прозаического исторического творчества. Гекатей Милетский и Гелланик Лесбосский.

Тема 2

Геродот и становление правильного историописания. «История» Геродота, тема и цели сочинения, его композиция. Источники и исследовательский метод Геродота. Роль устной традиции. Понятие «история» у Геродота. Концептуальное содержание его труда. Представления Геродота о судьбе и божественном воздаянии. Его язык и стиль изложения. Оценка творчества Геродота в античную эпоху и в современности.

Тема 3

Фукидид – создатель научного метода в истории. «История» Фукидида, предмет и цели труда, его структура. Источники Фукидида, рационалистический и критический подходы к ним. Концептуальное содержание его сочинения. Язык и манера изложения, функция составленных Фукидидом речей. Отношение к труду Фукидида в античности, современная оценка его вклада в становление научного историописания.

Тема 4

История в творчестве Ксенофонта. Произведения Ксенофонта: его исторические («Греческая история» – собственно историческое, «Анабасис» и «Киропедия» – соответственно мемуары и квазиисторический роман) и иные сочинения. Развитие Ксенофонтом монархической и панэллинской идей. Его интерес к личности. Своеобразие языка и стиля. Суждения о Ксенофонте в античную эпоху и в современной науке.

Тема 5

Складывание риторического течения в историописании в IV в. до н.э., Исократ. Особенности риторической историографии. Историки школы

Исократа: Феопомп и Эфор. Черты исторической беллетристики в сочинениях Ктесия. Продолжение развития жанра локальной историографии. Произведения Филиста и Тимея. Агидографы, Андроцион и Филохор. «Собрание Аггид» Истра как завершение агидографической традиции.

Тема 6

Историописание в эпоху эллинизма. Историки Александра Великого: Каллисифен, Птолемей, Аристокл; их влияние на более поздние античные труды об Александре. Историки диadoхов и эллистов: Гиероним из Кардии и Филарх. Предмет, цели и содержание «Всобщей истории» Полибия. Разработка им жанра «всеобщей» и «прагматической» истории. Развитие Полибием рационалистического и критического подхода к источникам. Его концепции о причинно-следственных связях в истории, о естественных циклах в развитии государств, о смешанной форме государственного устройства.

Тема 7

Возникновение историографии у римлян, его особенности. Римская история в эпической поэзии Гнея Невия и Квинта Энния. Складывание и развитие в Риме прозаического историописания, анналисты. Старшие анналисты (Квинт Фабий Пиктор и др.; особое положение среди них Марка Порция Катона Старшего), средние (Луций Кассий Гемина и др.) и младшие анналисты (Квинт Клавдий Квадригарий и др.). Общая характеристика произведенных анналистического жанра.

Тема 8

Римская историография времени поздней Республики. Труды Корнелия Непота, историко-биографический жанр в его творчестве. Гай Саллюстий Крисп и развитие монографического жанра. Его морально-философская концепция: теория упадка нравов. Роль личности и судьбы в истории в представлении Саллюстия. Его язык и стиль изложения. Влияние на последующее римское историописание. Развитие мемуарного жанра Гаем Юлием Цезарем: общая оценка его «записок», их особенности.

Тема 9

Римская историография времени ранней Империи. Монументальная «История Рима от основания Города» Гита Ливия, предмет и цели сочинения, его композиция. Национально-патриотическая, морализаторская и художественно-дидактическая установка в труде Ливия. «Римский миф» у Ливия. Сочинение Ливия и идеология века Августа. Его источники и метод

работы с ними. Язык и манера изложения. Труд Ливия в оценке историков последующих времен.

Тема 10

Римская историография времени ранней Империи (продолжение). Исторические труды Корнелия Тацита. Его «малые сочинения», их общая характеристика. Главные произведения – «История» и «Анналы», их тема и цели, композиция. Источники Тацита. Императорское единовластие и республиканские ценности в его представлениях. Психологический анализ у Тацита. Язык и стиль. Вопрос об объективности исторических сведений у Тацита. Историко-биографический труд Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей», общая характеристика.

Тема 11

«Малые» римские историки эпохи ранней и средней Империи (Веллей Патеркул и Анней Флор). Римская историография времени поздней Империи. Образцы историко-биографических произведений: «Писатели истории Августов» и «О цезарях» Аврелия Виктора, общая характеристика, оценка сообщаемых в них сведений. Аммиан Марцеллин – последний великий историк Рима. Предмет, цели и содержание его «Римской истории» («Деяний»). Источники и исследовательский метод Марцеллина. Его историческая концепция. Язык и стиль изложения. Достоинства и недостатки труда Марцеллина как исторического источника.

Тема 12

Греческое историописание в эпоху Римской державы. «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского как образец жанра всеобщей истории, особенности этого сочинения. История Рима в сочинении Аппиана Александрийского «Римская история», общая характеристика. Жанр исторической биографии в творчестве Плутарха. Плутарх как историк: источники, цели, принципы и методы его работы в «Сравнительных жизнеописаниях». «Иудейская война» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия, общая характеристика. Традиции античной историографии в его сочинениях. Историческая концепция Иосифа и провинциализм. Заключение ко всему курсу: общие особенности исторической мысли и исторической литературы античности.

3. МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ОСВОЕНИЮ КУРСА

Освоение обучающимися курса осуществляется в ходе аудиторной работы – на лекционных и практических занятиях, а также в процессе систематической самостоятельной работы студентов.

На лекциях предполагается представление преподавателем нового фактического и теоретического материала по курсу, в соответствии с планом (структурой) учебных занятий. При этом материал лекций в определенной степени должен подготавливать обучающихся к работе на практических занятиях. Тематика каждого из практических занятий обуславливается опять-таки планом (структурой) учебных занятий. На них основное место следует отвести выступлениям студентов с докладами (содокладами), обсуждению этих выступлений и тех вопросов, которые в них были освещены. Дополнением к этому виду деятельности должна стать непосредственная работа обучающихся в аудитории с некоторыми фрагментами из сочинений античных историков, специально для этого отобранными преподавателем (см. приложение ниже): такая работа включает в себя их чтение и анализ с последующим его разбором. Важно, чтобы при проведении этого вида занятий преподаватель активно направлял его ход, подводил итог обсуждения по каждому рассмотренному вопросу, а в завершении – всей темы занятия.

Наряду с работой в аудитории (во время лекций и практических занятий) успешное освоение студентами учебной дисциплины определяется и их самостоятельной работой. Она включает в себя ведение конспекта лекций, чтение и анализ текстов античных историков, подготовку к практическим занятиям, включая подготовку докладов, а также к промежуточной аттестации. Особенно необходима самостоятельная проработка студентами тех вопросов, которые либо не представлены в лекционном курсе вообще, либо представлены лишь в общем виде. Это достигается в том числе посредством подготовки обучающимся доклада, с которым он выступает далее на практическом занятии. Тема доклада определяется по выбору студента из списка, предложенного преподавателем (см. ниже). Подготовка доклада предусматривает тщательное ознакомление обучающегося с релевантными текстами античных исторических трудов и современной литературы, которые также указываются преподавателем (список источников и литературы см. ниже). Помимо составления доклада, систематическая самостоятельная работа должна обеспечивать и готовность студентов к активному участию на практических занятиях в дискуссии по рассматриваемым вопросам, а равно к оппонированию докладчикам. В свою очередь, допускается и такой вид самостоятельной работы, как написание реферата (рекомендованные темы см. ниже).

Для проведения промежуточной аттестации по данной учебной дисциплине – согласно ее рабочей программе – предусмотрен зачет.

Методика его проведения предполагает устный ответ обучающегося на вопрос в билете (вопросы см. ниже). Критерии оценки ответа:

«зачет»

- ответ построен логично;
- обнаружено хорошее знание релевантных терминов, понятий, категорий и концепций;
- выдвигаемые положения обоснованы, приведены примеры;
- выводы правильные;
- «незачет»
- ответ построен нелогично;
- не раскрыты релевантные понятия, термины, категории и концепции;
- ответ содержит три и более серьезные фактические ошибки;
- выводы поверхностны или неверны.

4. ТЕМЫ ДЛЯ ДОКЛАДОВ И РЕФЕРАТОВ

1. Происхождение и эволюция термина «история» в древней Греции и Риме.
2. Источники и исследовательский метод Геродота.
3. Новелла в повествовании Геродота.
4. Оценки труда Геродота в античности и в современной науке.
5. Жизнь Фукидида и ее влияние на творчество историка.
6. Речи в труде Фукидида.
7. Общие характеристики состояния Греции в период Пелопоннесской войны у Фукидида.
8. Ксенофонт как мемуарист.
9. Монархическая и панэллинская идеи у Ксенофонта.
10. «Малые» сочинения Ксенофонта как исторический источник.
11. Исторические сюжеты в речах Исократ.
12. Первичная историческая традиция об Александре Великом.
13. Критика Полибием историков эллинистической эпохи.
14. Полибий о естественных циклах в развитии государств и о смешанной форме государственного устройства.
15. Рим в жизни и в труде Полибия.
16. Римская история в сочинении Диодора.
17. Аппиан о причинах и характере Гражданской войны в Риме.
18. Автобиографические сведения и самооправдание в сочинениях Иосифа Флавия.
19. Римские историки-анналисты.
20. Взгляды Саллюстия на роль личности в истории.
21. Политическая тенденциозность в произведении Саллюстия.
22. Концепция упадка нравов в Риме у Саллюстия и Ливия.
23. Исторические деятели на страницах сочинения Ливия.

24. Труд Ливия в контексте идеологии «века» Августа.
25. Источники «Истории» и «Анналов» и исследовательский метод Тацита.
26. Императорская власть и республиканские ценности в трудах Тацита.
27. Достоверность изображения императоров Тацитом: *pro et contra*.
28. Аммиан Марцеллин о «ремесле» историка.
29. Образ императора Юлиана в «Римской истории» Аммиана Марцеллина.
30. Воззрения на религию в сочинении Аммиана Марцеллина.
31. Образ Цезаря у Светония и Плутарха.
32. Понимание жанра исторической биографии Плутархом.

5. ВОПРОСЫ ДЛЯ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ

1. Историческая память в ранней греческой поэзии. Логографы, общие особенности их прозаического исторического творчества.
2. Геродот и становление правильного историописания. «История» Геродота, тема и цели сочинения, его композиция.
3. Фукидид – создатель научного метода в истории. «История» Фукидида, предмет и цели труда, его структура.
4. Историческое творчество Ксенофонта, его особенности – субъективизм и психологизм. Монархическая и панэллинская идеи у Ксенофонта.
5. Риторическая историография IV в. до н.э., общая характеристика. Историка школы Исократ: Феопомп и Эфор. Ктесий.
6. Локальная историография IV в. до н.э., общая характеристика. Филист и Тимей. Агтидографы.
7. Первичная историческая традиция об Александре Великом: Каллистен, Птоломей и Аристубул. Историки диадохов и эпигонов: Гиероним из Кардии и Филарх.
8. «Всеобщая история» Полибия, ее предмет, цели и содержание. Разработка им жанра «всеобщей» и «прагматической» истории.
9. Греческие историки в эпоху Римской державы. Произведения Диодора Сицилийского и Аппиана. Исторические труды Иосифа Флавия.
10. Начало историописания в древнем Риме. Римская история в эллистической поэзии Гнея Невия и Квинта Энния. Творчество анналистов.
11. Римская историография времени поздней Республики. Исторические монографии Саллюстия, их морально-философская концепция. Развитие мемуарного жанра Гаем Юлием Цезарем.
12. Историография периода ранней Империи. «История Рима от основания Города» Тита Ливий, предмет и цели сочинения, его композиция.
13. Историография периода ранней Империи. «Малые» произведения Тацита. Его «История» и «Анналы», их тема и цели, композиция.
14. Развитие историко-биографического жанра в эпоху Империи: Непот, Светоний, Плутарх.

15. «Малые» римские историки эпохи Империи. Произведения Веллея Патеркула и Аннея Флора. Жизнеописания императоров: «Писатели истории Августов», Аврелий Виктор.
16. Аммиан Марцеллин – последний великий историк Рима. Предмет, цели и содержание его «Римской истории» («Деяний»).

6. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

1. Источники

Хрестоматии и практикумы

- Античная историческая мысль и историография. Практикум-хрестоматия / Сост. А.В. Махлаюк, И.Е. Суриков. М., 2008.
- Антология источников по истории, культуре и религии древней Греции / Под ред. В.И. Кузищина. СПб., 2000.
- Полонская К.П., Поняева Л.П.* Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984.
- Практикум по истории древней Греции / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2011.
- Практикум по истории древнего Рима / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2011.
- Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. В.В. Струве. Т. II–III. М., 1951–1953.
- Хрестоматия по истории древней Греции / Под ред. Д.П. Каллистова. М., 1964.
- Хрестоматия по истории древней Греции / Сост. Н.Н. Трухина, А.Л. Смышляев. М., 2000.
- Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. М., 1962.
- Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1987.

Произведения античных историков (в русских переводах)

Ниже приведены русские издания трудов только тех греческих и римских историков, творчество которых рассматривается в рамках курса непосредственно. Кроме того, надо иметь в виду, что многие из этих произведений издавались (перездавались) в нашей стране не один раз, причем иногда в разных переводах, а потому в их случае указанные далее выходные данные носят скорее ориентировочный характер.

(1) Греческое историописание

- Геродот.* История / Пер. Г.А. Страгановского. Л., 1972.
- Ксенофонт.* Греческая история / Пер. С.Я. Лурье. СПб., 1993.
- Ксенофонт.* Анабасис / Пер. М.И. Максимова. Л., 1951.
- Ксенофонт.* Киропедия / Пер. Э.Д. Фролова, В.Г. Бороуховича. М., 1976.
- Ксенофонт.* Лакдемонская полиция / Пер. Л.Г. Печатовой. СПб., 2014.
- Ксенофонт.* Сократические сочинения / Пер. С.И. Соболевского. СПб., 1993.
- Полубий.* Всеобщая история / Пер. Ф.Г. Мищенко. Т. I–III. СПб., 1993–1995.
- Фукидид.* История / Пер. Г.А. Страгановского. Л., 1981.

(2) Римское историописание

- Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сони. СПб., 1994.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С.П. Кондратьева под ред. А.И. Доватура. М., 1992.
- Катон, Марк Порций.* Фрагменты речей // Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 172–182.
- Ливий, Тит.* История Рима от основания Города / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. I–III. М., 1989–1994.
- Малые римские историки: Веллей Патеркул. Римская история, Анней Флор. Две книги Римских войн, Луций Амгеллий. Памятная книжка / Изд. подг. А.И. Немировский. М., 1996.
- Непот, Корнелий.* О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Пер. Н.Н. Трухиной. М., 1992.
- Римские историки IV века (Евтропий и Секст Аврелий Виктор) / Пер. под ред. М.А. Тимофеева. М., 1997.
- Саллюстий Крисп, Гай.* Сочинения / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1981.
- Светоний Транквилл, Гай.* Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1964.
- Тацит, Корнелий.* Сочинения / Пер. А.С. Бобовича, Г.С. Кнабе. СПб., 1993.
- Цезарь, Гай Юлий.* Записки / Пер. М.М. Покровского. М.; Л., 1948.

(3) Греческое историописание в Римской державе

- Антиан Александрийский.* Римские войны / Пер. под ред. С.А. Жебелева, О.О. Крюгера. СПб., 1994.
- Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека / Строецкий В.М. Введение к «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание // Вестник древней истории. 1986. № 2. С. 65–87.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания / Изд. подг. С.П. Маркиш, С.И. Соболевский, М.Е. Грабарь-Пассек. Т. I–II. М., 1994.
- Иосиф Флавий.* Иудейские древности / Пер. Г.Г. Генкеля. М., 1994.
- Иосиф Флавий.* Иудейская война / Пер. Я.Л. Чертка. Минск, 1991.

II. ЛИТЕРАТУРА (на русском языке)

Основная: общие труды

- Альбрехт М., фон. История римской литературы / Пер. с нем. Т. I–III. М., 2002–2005.
- Бокциани А.Г. Источниковедение древнего Рима. М., 1981.
- Гомперт Т. Греческие мыслители / Пер. с нем. СПб., 1999.
- Дуров В.С. История римской литературы. СПб., 2000.
- История греческой литературы / Под ред. С.И. Соболевского и др. Т. I–III. М.; Л., 1946–1960.
- История римской литературы / Под ред. С.И. Соболевского и др. Т. I–II. М.; Л., 1959–1962.
- Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма) / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1982.
- Крузе А. и М. История греческой литературы / Пер. с франц. СПб., 2008.
- Нетушил И.В. Римская историография. Харьков, 1909.
- Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Пер. с нем. СПб., 1910.
- Пёльман Р., фон. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с нем. СПб., 1999.
- Радич С.И. История древнегреческой литературы. 5-е изд. М., 1982.
- Тронский И.М. История античной литературы. 5-е изд. М., 1988.
- Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Изд. 3-е. СПб., 2004.

Дополнительная: специальные монографические исследования

- Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973.
- Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Бузескул В.Л. Введение в историю Греции. Изд. 3-е. СПб., 2005.
- Вейнберг И.Л. Рождение истории: историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993.
- Гревс И.М. Тацит. Жизнь и творчество. М.; Л., 1946.
- Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. М., 1957.
- Дуров В.С. Художественная историография древнего Рима. СПб., 1993.
- Жебелёв С.А. Когда и кем была издана «История» Фукидида. Харьков, 1914.
- Зайцев А.И. Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н.э. Л., 1985.
- Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.
- Клингер В.П. Сказочные мотивы в истории Геродота. Киев, 1903.
- Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время, жизнь, книги. М., 1981.
- Козаржевский А.Ч. Античное ораторское искусство. М., 1980.
- Коллингвуд Р.Дж. Идеи истории. Автобиография / Пер. с англ. М., 1980.

Крюков А.С. Летопись первого века (историческая проза Тацита). Воронеж, 1997.

Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография (Геродот, Тит Ливий). М., 1984.

Лосев А.Ф. Англичная философия истории. М., 1977.

Лурье С.Я. Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947.

Лурье С.Я. Геродот. М.; Л., 1947.

Мирзоев С.Б. Полибий. М., 1986.

Немировский А.И. Луций Анней Флор – историк древнего Рима. Воронеж, 1977.

Немировский А.И. Рождение Клио (у истоков исторической мысли). Воронеж, 1986.

Немировский А.И., Дашкова М.Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985.

Раджак Т. Иосиф Флавий. Историк и общество / Пер. с англ. М.; Иерусалим, 1993.

Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995.

Сидорович О.В. Аналисты и антиквары: римская историография конца III–II вв. до н.э. М., 2005.

Спрогелуцкий В.М. Становление исторической мысли в древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. I: Геродот. Нижний Новгород, 2010.

Суриков И.Е. Геродот. М., 2009.

Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.

Тэн И. Тит Ливий. Критическое исследование / Пер. с франц. 2-е изд. М., 1900.

Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977.

Фриц К., фон. Теория смешанной конституции в античности: критический анализ политических взглядов Полибия / Пер. с нем. СПб., 2007.

Шестаков С.П. Красноречие у древних греков и его влияние на их историческую литературу. Казань, 1901.

Шеффер В.А. Очерки античной историографии. Вып. 1: Логографы Ксанф, Гекатей, Акусилай, Харон и Ферекид. Киев, 1884.

Нужно принимать во внимание, что на русском языке имеются также отдельные статьи и очерки, посвященные разным вопросам античного историописания. Однако из-за их сравнительной многочисленности и тематического разнообразия мы посчитали правильным оставить эти работы вне вышеприведенного списка.

III. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Ниже нами даны ссылки лишь на некоторые интернет-сайты, способные быть полезными при освоении курса (в основном на них можно найти тексты сочинений античных авторов, включая исторические, на языке оригинала и/или в переводах на современные языки).

Сайт Центра антиковедения СПбГУ

www.centant.spbu.ru

Античная литература

<http://ancientrome.ru/antlittr/index.htm>

Bibliotheca Augustana

http://www.fh-augsburg.de/~harsch/a_index.html

The Internet Classics Archive

<http://classics.mit.edu/index.html>

Suda On Line: Byzantine Lexicography

<http://www.stoa.org/sol/>

The Perseus Project

<http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus:collection:Grec>

o-Roman

The Online Medieval and Classical Library (OMACL)

<http://omacl.org/>

LacusCurtius: into the Roman World

<https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/home.html>

7. ПРИЛОЖЕНИЕ. ХРЕСТОМАТИЯ

Тексты античных историков цитируются по изданиям, указанным выше, за исключением некоторых случаев. В связи с этими последними дается специальная ссылка на издание, откуда взят перевод.

I. Историческоеписание в древней Греции

Гекатей Милетский (пер. А.В. Лебедева)¹

Фр. 1. Вот пример непериферического стиля: «Так говорит Гекатей Милетский: я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов многообразны и смехотворны, как мне кажется».

Фр. 2. Гекатей Милетский, по словам которого виноградная лоза была изобретена в Этолии, говорит, в частности, следующее: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию на царство, и собака его родила стебель, а он велел его зарыть, и из него выросла лоза, обильная гроздьями, поэтому он и назвал своего сына Фитием («Растительным»), а от него родился Ойней, названный так от лозы, ибо древние эллины называли лозы «ойнами», от Ойнея же родился Этол».

Дионисий Галикарнасский о трудах логографов

Дионисий Галикарнасский «Суждение о Фукидиде» (пер. Э.Д. Фролова)²

5. Древних историков много, и они были во многих местах до Пелопоннесской войны. К числу их относятся Эвгеон Самосский, Деиох Проконнесский, Эвдем Паросский, Демокл Фигийский, Гекатей Милетский, Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Мелесагор Халкедонский, а те, которые немного моложе, т.е. жили незадолго до Пелопоннесской войны и прожили до времени Фукидида, — это Гелланик Лесбосский, Дамаст Сигейский, Ксеномед Хиосский, Ксанф Лидийский и многие другие. В выборе темы они руководствовались почти одинаковой точкой зрения и способностями немногим отличались друг от друга. Они писали эллинистические истории, другие — варварские, причем и эти истории они не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам и излагали одну отдельно от другой, преследуя одну и ту же цель — обнародовать во всеобщее сведение предания, сохранившиеся у местных жителей среди разных народов и городов, и письменные документы, хранящиеся как в храмах, так и в светских местах, — обнародовать эти памятники в том виде, в каком они их получили, ничего не прибавляя и не

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 136-137.

² Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Изд. 3-е. СПб., 2004. С. 119-120.

убавляя. Среди этого были и некоторые мифы, которым верили с древнего времени, и некоторые интересные, необычайные события, которые нашим современникам представляются невероятными. Способ выражения употребляли они по большей части одинаковый — все те, которые писали на одном и том же наречии: ясный, обычный, чистый, краткий, соответствующий описываемым событиям, не представляющий никакой художественности. Однако произведения их присуща какая-то красота и прелесть, в одних в большей степени, в других в меньшей, благодаря которой их сочинения еще остаются до сего времени.

Геродот «История» (пер. С. Г. Стратановского)

I. (Введение) Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

II, 99. До сих пор я рассказывал о том, что видел своими глазами, руководствуясь собственным суждением или сведениями, которые я собирал лично. Теперь же я хочу сообщить то, что я узнал по рассказам из египетской истории. Впрочем, к рассказам [египетских жрецов] мне придется добавить и кое-что из собственных наблюдений.

III. (39) Могущество Поликрата возросло и слава о нем разнеслась по Ионии и по всей Элладе. Ведь во всех походах ему неизменно сопутствовало счастье... (40) До Амасиса также дошли как-то слухи о великом преуспевании Поликрата, и это очень встревожило царя. Когда же Поликрат стал еще гораздо больше преуспевать, Амасис написал такое послание тирану и отправил на Самос: «Амасис Поликрату говорит так: «Приятно узнать, что друг наш и гостеприимец счастлив. Но все же твои великие успехи не радуют меня, так как я знаю, сколь ревниво [к человеческому счастью] божество. Поэтому я желал бы, чтобы и у меня самого и моих друзей одно удавалось, а другое нет, чтобы лучше на своем веку мне попеременно сопутствовали успехи и неудачи, чем быть счастливым всегда. Ведь мне не приходилось слышать еще ни об одном человеке, кому бы все удавалось, а в конце концов он не кончил бы плохо. Поэтому послушайся моего совета теперь и ради своего счастья поступи так: обдумай, что тебе дороже всего на свете и потеря чего может больше всего огорчить тебя. Это — вещь ты закинь так, чтобы она больше не попалась никому в руки. И если и тогда успехи у тебя не будут сменяться неудачами, то и впредь применяй то же средство по моему совету». (41) Поликрат прочел послание и понял, что совет Амасиса хорош. Он стал размышлять, потеря какой драгоценности больше всего огорчит его. А обдумывая, Поликрат вспомнил вот что. Был у него смарагдовый перстень с печатью, в золотой оправе, который он носил [на пальце], — изделие самосца Феодора, сына Телекла. Этот-то перстень

Поликрат и решил забросить и поступил так. Посадив людей на 50-весельный корабль, он сам поднялся на борт и приказал затем выйти в море. Когда корабль отошел далеко от острова, Поликрат снял перстень и на глазах у всех своих спутников бросил в море. После этого он отплыл назад и опечаленный потерей возвратился во дворец. (42) А спустя пять или шесть дней после этого случилось вот что. Какой-то рыбак поймал большую красивую рыбу и решил, что это достойный подарок Поликрату. Рыбак принес рыбу к воротам дворца и сказал, что желает предстать перед Поликратом. Когда желание рыбака было исполнено, он подал Поликрату рыбу со словами: «Царь! Поймав эту рыбу, я не захотел нести ее на рынок, хотя и живу от трудов рук своих. Я решил, что она достойна тебя и твоего царства. Поэтому я приношу ее тебе в дар». А Поликрат обрадовался таким словам и отвечал: «Ты поступил прекрасно. Я благодарю тебя вдвойне: за речь и за подарок. Приглашаю тебя на обед». Рыбак, польщенный, отправился домой, а слуги выпотрожили рыбу и нашли в ее брюхе тот Поликратов перстень. Увидев перстень, они тотчас же с радостью понесли его Поликрату. Отдавая перстень, слуги рассказали, как он нашелся. А Поликрат понял [тогда], что это божественное знамение и написал послание [Амасису] обо всем, что он сделал, и что из этого вышло. А, написав послание, он велел отправить его в Египет. (43) Амасис же, прочтя послание Поликрата, убедился, что ни один человек не может уберечь другого от предреченной ему участи и что Поликрат не кончит добром, так как он преуспевает во всем и даже находит то, что сам забросил. Так вот, Амасис послал на Самос вестника объявить, что разрывает свой союз и дружбу с Поликратом. А поступил так Амасис ради того, чтобы не пришлось ему сокрушаться о Поликрате, как о своем друге, когда того постигнет страшное бедствие.

V. (57) Гефирей же, к которым принадлежали убийцы Гиппарха, по их собственным словам, пришли первоначально из Эретрии. А, как я узнал из расспросов, они были [по происхождению] финикийцами, прибывшими вместе с Кадмом в землю, теперь называемую Беотией. Здесь они поселились, получив по жребию Танагрскую область. Отсюда кадмейцев сначала изгнали аргосцы, а этих Гефиреев затем изгнали беотийцы, и они пришли в Афины. Афины же приняли их в число граждан на известных условиях, наложив на них много ограничений, не стоящих упоминания. (58) А финикийцы эти, прибывшие в Элладу с Кадмом (среди них были и упомянутые Гефирей), поселились в этой земле и принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную эллинам. Первоначально у кадмейцев письмо было те же, что и у остальных финикийцев. Впоследствии же вместе с изменением языка постепенно изменилась и форма букв. В то время из эллинских племен соседями их были в большинстве областей ионяне. Они переняли от финикийцев письменность, изменили также по-своему немного форму букв и назвали письмо финикийскими (что было совершенно справедливо, так как финикийцы принесли их в Элладу). Ионяне также издревле называют книги

кожами, потому что при отсутствии папируса они писали на козьях и овечьих шкурах. Еще и поныне многие варварские народности пишут на таких шкурах. (59) И мне самому пришлось видеть в святилище Аполлона Исменна в беотийских Фивах кадмейские письма, вырезанные на нескольких треножниках и большей частью сходные с ионийскими.

VII. (152) Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан. И этому правилу я буду следовать во всем моем историческом труде.

Фукидид «История» (пер. С.Г. Стратановского)

I. Фукидид афинянин описал войну пелопоннессцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех, бывших дотоле. А рассудил он так, потому что обе стороны взялись за оружие, будучи в расцвете сил и в полной боевой готовности; и кроме того, он видел, что и остальные эллинические города либо уже примкнули к одной из сторон сразу после начала войны, либо намеревались сделать это при первой возможности. (2) И в самом деле война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества. (3) И хотя то, что предшествовало войне, а тем более, что происходило еще раньше, установить точно не было возможности в силу отдаленности от нашего времени, но все же на основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств я пришел к выводу, что все эти исторические события далекого прошлого не представляли ничего значительного как в военном отношении, так и в остальном.

I, 20. Итак, вот к чему я пришел, исследуя древнее состояние Эллады, хотя и трудно было доверять полностью любому свидетельству. Ведь люди склонны принимать на веру от живших раньше без проверки сказания о прошлом, даже если они касаются их родины... (3) Большинство людей не затрудняет себя разысканием истины и склонно усваивать готовые взгляды. 21. Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалеко от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историкам, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны. (2) Нынешняя же война (хотя люди обычно, только пока воюют, придают текущей войне самое важное значение, а по ее окончании склонны удивляться больше войнам прежнего времени) докажет людям, которые судят по самим фактам, что она была событием более

важным, чем прежние войны. 22. Что до речей (как произнесенных перед войной, так и во время ее), то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно — ни тех, которые мне пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаясь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории. (2) Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — разбирать сообщения других со всей возможной точностью. (3) Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти. (4) Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей.

V, 26. И эту войну также описал Фукидид афинянин, последовательно, по ходу событий, которые он считал из года в год по летам и зимам, пока лакедемоняне и союзники не сокрушили афинскую державу, захватив Пирей и Длинные стены. Вплоть до этого момента война продолжалась в течение 27 лет. (2) И ошибется тот, кто не сочтет войной промежуток времени между двумя периодами открытой войны. Достаточно бросить взгляд на события, которые я описал, чтобы убедиться, что вряд ли можно говорить о мире, когда обе стороны не возвратили и не получили назад всего, что было обусловлено договором. Кроме того, в мантинейской и эпидаврийской войне и в других делах были допущены нарушения пунктов договоров. Союзники с фракийского побережья не менее враждебно относились к афинянам, а беотийцы соблюдали перемирие, которое должно было возобновляться каждые десять дней. (3) Итак, если, считая по зимам и летам, прибавить срок первой 10-летней войны к продолжительности последовавшего за ней сомнительного перемирия и дальнейших военных лет, то получится указанное мной точное количество лет с несколькими лишними днями. Можно убедиться также, что из всех делавшихся предсказаний о длительности этой войны оправдалось только это одно. (4) Сам я хорошо помню, как с начала и до конца войны многие часто повторяли предсказание, что война должна продлиться трижды девять лет. (5) Я пережил всю войну уже в зрелом возрасте и внимательно следил за событиями, прилагая старания, чтобы в точности узнать их. К тому же двадцать лет мне пришлось пробыть в изгнании после моего командования под Амфилолем, и я имел

возможность, благодаря моему положению изгнанника, лично наблюдать ход событий у обеих сторон — у пелопоннессцев не менее, чем у афинян, — и составить себе на досуге непредвзятое суждение о них. Теперь я буду продолжать рассказ о раздорах после 10-летней войны, о разрыве мирного договора и о дальнейших военных событиях.

Ксенофонт «Анабасис» (пер. М.И. Максимовой)

III, 1. (4) Однако в армии находился некий Ксенофонт-афинянин, который сопровождал войско, хотя он не состоял ни стратегом, ни лохагом, ни солдатам. Он покинул отчизну по приглашению Проксена, своего старинного приятеля. Тот обещал, в случае приезда Ксенофонта, подружить его с Киром, а последний, по словам Проксена, дороже для него отчизны. (5) Прочтя письмо, Ксенофонт обратился за советом к Сократу-афинянину. Опасаясь, что дружба с Киром может повредить Ксенофонту в глазах государства, так как считалось, что Кир усердно помогал лакедемонянам в войне против Афин, Сократ посоветовал ему направиться в Дельфы и спросить бога относительно этого путешествия. (6) По прибытии в Дельфы Ксенофонт спросил Аполлона, какому богу он должен принести жертву и вознести молитву, чтобы со славы и пользой совершить задуманное путешествие и благополучно возвратиться. Аполлон вещал ему: принести жертву тем богам, каким положено в подобных случаях. (7) По возвращении Ксенофонт рассказал о пророчестве Сократу. Выслушав его, Сократ стал укорять Ксенофонта за то, что тот не спросил бога, следует ли ему ехать, но, решив сам с собой, что ехать надо, спросил только о лучшем способе совершить путешествие. «Однако, — сказал он, — раз уж ты именно так поставил вопрос, надо исполнить приказание бога». (8) Итак, Ксенофонт принес жертву согласно повелению бога и отплыл. В Сардах он застал Проксена и Кира, уже готовых выступить вглубь страны, и был представлен Киру. (9) Так как Проксен настаивал, то и Кир убедительно просил Ксенофонта остаться и говорил к тому же, что как только окончится поход, он отпустит его от себя. А поход, как говорили, предпринимается против писидийцев. (10) Таким образом, Ксенофонт отправился в поход обманутым, однако Проксен был в этом не виновен, так как ни он, ни кто-либо другой из эллинов, кроме Клеарха, не знал, что идут войной на царя и лишь по прибытии в Киликлию выяснилась для всех настоящая цель экспедиции. Очень многие боялись этого похода, но все же они, хоть и неохотно, последовали за войском, так как им было совместно перед товарищами перед Киром. Одним из них был и Ксенофонт. (11) Когда создавалось тяжелое положение, Ксенофонт горевал вместе с друзьями и не мог заснуть. Забывшись ненадолго, он увидел сон. Ему показалось, будто началась гроза и молния упала в отчий дом, отчего тот весь запылал. (12) В испуге он тотчас же проснулся, и сон, с одной стороны, показался ему хорошим, потому что, находясь среди бедствий и опасностей, он как бы

видел великий свет, исходящий от Зевса; но, с другой стороны, он испытывал страх, так как полагал, что сон послан Зевсом-Царем, и видел себя со всех сторон окруженным огнем, из чего следовало, что ему не уйти из страны царя и что он будет со всех сторон тесним какими-то бедствиями. (13) Каков смысл подобного сновидения — можно увидеть из дальнейших событий. А произошло следующее. Как только Ксенофонт проснулся, он тотчас же стал размышлять: «Что это я разлегся? Ведь ночь проходит и, по всей вероятности, с наступлением утра появятся враги. Если мы окажемся во власти царя, то ничто не удержит его от предания нас позорной смерти, после того как мы познаем и претерпим самые тяжкие и страшные муки. (14) А, между тем, никто не помышляет и не готовится к обороне: мы спим, как будто позволено предаваться покою. А я? Из какого города должен быть тот стратег, которого я жду как исполнителя этого дела? Неужели я сам, не достиг еще подходящего возраста? Ведь если я предамся сегодня врагам, то вряд ли и вообще когда-нибудь достигну более зрелых лет».

Ксенофонт «Греческая история» (пер. С.Я. Лурье)

VII, 5. (26) Эти события [битва при Мантине. — М.Х.] привели таким образом к последствиям прямо противоположным тем, которые ожидалась всеми людьми. Здесь собралась вместе почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако, по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей и ни те, ни другие не в силах были воспрепятствовать противникам сделать это; обе стороны, как победители, выдали противникам трупы, заключив это; обо стороны, как обе же стороны, как побежденные, согласились на это. Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. (27) Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство в дела Греции, чем было прежде.

Ксенофонт «Киропедия» (пер. В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова)

I. Некогда пришлось нам задуматься о том, какое множество демократий было низвергнуто сторонниками иного, не демократического строя, какое множество монархий и олигархий пали, свергнутые восставшим народом, как много лиц, домогавшихся тиранической власти, очень быстро ее утратили, а тем, кому удалось хотя бы на короткий срок встать у кормила правления, удивляются и сейчас как мудрецам и счастливицам. Нам часто встречались люди, из которых одни владели многими, другие — немногочисленными рабами, но даже этими немногими в собственном доме они не смогли управлять так, чтобы те с достаточной готовностью

повиновались своим господам. (2) Далее, подумали мы, что и пастухи выступают в роли правителей рогатого скота, как табунщики — своих животных; и вообще все, называющиеся пастырями каких бы то ни было животных, находящихся под их властью, могли бы равным образом считать их повелителями. Легко можно увидеть, что все эти стада охотнее повинуются своим пастухам, чем люди — своим правителям, ибо стадо отправляется в путь туда, куда его ведут, пасется там, куда его пригоняют, не идет туда, куда его не пускают. Стада позволяют своим пастырям распоряжаться получаемым от них доходом, как тем заглагорассудить. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы какое-либо стадо восстало против своего пастуха, или же отказалось ему повиноваться, или не позволило пользоваться доходами от него. Напротив, стадо гораздо враждебнее относится к чужакам, чем к своему правителю, хотя последний и использует его для собственной выгоды. Люди же с величайшей охотой восстают против тех, кого заподозрят в желании установить над ними власть. (3) На основании всего этого мы решили, что человеку намного легче установить свое господство над всеми прочими живыми существами, чем над людьми. Но, познакомившись с жизнью перса Кира, ставшего властителем множества подчинившихся ему людей, государств и народов, мы были вынуждены изменить свое мнение и признать, что установление власти над людьми не должно считаться трудным или невозможным предприятием, если братья за него со знанием дела. Нам известно, что Киру охотно подчинялись народы, жившие от него в отдалении, измеряемом многими днями пути, другие — даже месяцами, третьи вообще его не видели в глаза, а четвертые прекрасно понимали, что никогда не получат возможности его увидеть. И все же они охотно повиновались ему. (4) Между ним и всеми остальными царями — как теми, кто унаследовал власть от своих отцов, так и теми, кто сам добился этой власти, — существовало коренное отличие... (5) Кир правил всеми этими народами, языки которых были ему совершенно неизвестны, да и сами они не понимали друг друга. Он смог завладеть огромными пространствами земли благодаря страху, который испытывали перед ним, — так, что все трепетали перед ним, и никто не пытался оказать ему сопротивление. Покоренным народам Кир сумел внушить такое сильное желание угождать ему, что они постоянно стремились только к одному — навсегда остаться под его властью. Сами эти народы были столь многочисленны, что одно путешествие через все эти страны могло бы считаться подвигом, будь то на восток от царской резиденции, или на запад, — или на север, или на юг. (6) Считая Кира человеком, заслуживающим восхищения более, чем кто-либо другой, мы тщательно исследовали, какого он был происхождения, каковы были его природные дарования, что за воспитание получил этот муж, достигший таких вершин власти над людьми. Все, что нам удалось выяснить и что представляется нам установленной истиной, мы попытаемся изложить здесь.

Ктесий Книдский (пер. И.Е. Сурикова)³

Фр. 19. Греки одержали над варварами полную победу [битва при Кунаксе. — М.Х.] (полнее нельзя было и ждаты) и, преследуя бегущих, ушли очень далеко, а тем временем на Кира, который скакал на чистокровном, но слишком горячем и порывистом коне по кличке Пасак (так сообщает Ктесий), наехал предводитель кадусиев Аргагерс и громко крикнул: «Эй, ты, опозоривший самое прекрасное у персов имя — имя Кира, ты, самый бесчестный и безрассудный человек на свете, ты ведешь злодеев-греков на злодейский грабеж персидских сокровищ, да еще надеешься убить твоего господина и брата, у которого миллионы рабов лучше и храбрее тебя. Сей же час ты в этом убедишься! Ты сложишь голову, раньше чем увидишь светлый лик царя!» с этими словами он метнул в Кира копьё. Паниць выдержал, и Кир остался невредим, но едва усидел на коне — такой силы был удар. Тут Аргагерс повернул, и Кир в свою очередь бросил копьё, да так метко, что острое, пройдя под самой ключицей, пробilo шею.

Фр. 45п. Ктесий рассказывает, что у индийцев есть дерево, которое называется «пареб». Оно притягивает к себе все, что к нему подносят, будь то золото, серебро, олово, медь или любые другие металлы. Притягивает оно и летающих поблизости мелких птиц. А если дерево побольше, то оно притягивает и коз, и овец, и прочих животных такого же размера.

Полибий «Всеобщая история» (пер. Ф.Г. Мищенко)

1, 3. (2) История наша начнется по времени с олимпиады сто сороковой [220 г. до н.э. — М.Х.]... (3) Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. (4) Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу. Вот почему с этого именно времени мы и начинаем наше изложение.

1, 4. Особенность нашей истории и достойная удивления черта нашего времени состоят в следующем: почти все события мира судьба направила насильственно в одну сторону и подчинила их одной и той же цели; согласно с этим и нам подобает представить читателям в едином обозрении те пути, какими судьба осуществила великое дело. (2) Это обстоятельство больше всякого другого побуждает и поощряет нас к нашему предпринятию. К тому же никто на нашей памяти не брался за составление всеобщей истории; будь это, я принимался бы за свой труд с гораздо меньшим рвением. (3) Теперь же я вижу, что весьма многие историки описали отдельные войны и некоторые сопровождавшие их события; но насколько, по крайней мере, нам известно,

³ Английская историческая мысль и историография. Практикум-хрестоматия / Сост. А.В. Махлаков, И.Е. Суриков. М., 2008. С. 124-126.

никто даже не пытался исследовать, когда и каким образом началось объединение и устройство всего мира, а равно и то, какими путями осуществилось это дело. (4) Вот почему мне казалось настолько необходимым восполнить недостаток и не оставить без рассмотрения прекраснейшее и вместе благовейшее деяние судьбы. (5) И в самом деле, изобретая много нового и непрестанно проявляя свою силу в жизни людей, судьба никогда еще по настоящему не совершала ничего подобного и не давала такого свидетельства своей мощи. Но именно этого-то и нельзя постигнуть из отдельных историй. (6) Неужели кто-нибудь, посетив один за другим знаменитейшие города или поглядев на разрозненные изображения их, может рассчитывать, что тут же получит представление и о виде всей обитаемой земли, об общем ее положении и устройении? (7) Это совершенно невероятно. Вообще люди, надеющиеся приобрести из отдельных историй понятие о целом, похожи, по моему мнению, на тех, которые при виде разрозненных членов живого животного и прекрасного тела воображали бы себе, что созерцают с надлежащею ясностью жизненную силу и красоту живого существа. (8) Если вдруг сложить эти члены воедино и, восстановив целое существо с присущею ему при жизни формою и прелестью, показать снова тем же самым людям, то, я думаю, все они скоро убедились бы, что раньше были слишком далеки от истины и находились как бы во власти сновидения. (9) Правда, по какой-нибудь части можно получить представление о целом, но невозможно точно познать целое и постигнуть его. (10) Отсюда необходимо заключить, что история по частям дает лишь очень мало для точного уразумения целого; (11) достигнуть этого можно не иначе как посредством сцепления и сопоставления всех частей, то сходных между собою, то различных, только тогда и возможно узреть целое, а вместе с тем воспользоваться уроками истории и наслаждаться ею.

II, 56. (10) Задача историка состоит не в том, чтобы расказать о чудесных предметах наводить ужас на читателей, не в том, чтобы изобретать правдоподобные рассказы и в изображаемых событиях отмечать все побочные обстоятельства, как поступают писатели трагедий, но в том, чтобы точно сообщить только то, что было сделано или сказано в действительности, как бы обыкновенно оно ни было. (11) Цели истории и трагедии не одинаковы, скорее противоположны. В одном случае требуется вызвать в слушателях с помощью правдоподобнейших речей удивление и восхищение на данный момент; от истории требуется дать людям любознательным непреходящие уроки и наставления правдивого записью деяний и речей. (12) Тогда как для писателей трагедий главное — ввести зрителя в заблуждение посредством правдоподобного, хотя бы и вымышленного изображения, для историков главное — принести пользу любознательным читателям правдою повествования.

XII, 25e. Точно так же есть три способа заниматься политической историей: один состоит в старательном ознакомлении с историческими сочинениями и в накоплении извлекаемого из них содержания; другой — в обозрении городов, стран, рек, гаваней, вообще достопримечательностей и

расстояний на суше и на море; третий — в изучении государственных событий. (2) Историей, как и врачеванием, занимаются охотно многие, потому что их соблазняет слава прежних историков; но большинство пишущих не руководствуется в своих начинаниях какими-либо честными побуждениями, внося в них только легкомыслие, наглость и бессовестность.

(3) Подобно шарлатанам, они гонятся только за внешним успехом, падки до милостей и выгод, лишь бы добыть себе средства к жизни; однако долго распространяться о них не стоит. (4) Иные приступают к занятию историей, по-видимому, серьезно, но ведут себя как врач-книжник: долго поработав в книгохранилищах и вообще извлекая из книг множество сведений, они и сами стараются уверить себя, что вполне подготовлены к делу, и другие считают их располагающими для этого всем необходимым. (5) Правда, весьма полезно вникать в предшествующие исторические сочинения, чтобы познаться с понятиями древних и преданиями их о некоторых странах, народах, государствах и мероприятиях, чтобы понять также превратности судьбы, раньше испытанные тем или другим государством. (6) Изучение минувших событий во всех подробностях и в их истинном значении может дать руководящие указания относительно будущего. Однако было бы большою наивностью воображать, как Тимей например, будто этого одного знания достаточно для того, чтобы прекрасно описывать и последующие события: это походило бы на то, как если бы кто-либо, осмотрев картины старых живописцев, вообразил и себя самого искусным живописцем и знатоком дела.

XII, 25e. Невозможно описать правильно военные события, если не имеешь никакого понятия о военном деле, равно как не может писать о государственном устройстве человек, сам не участвовавший в государственной жизни и в государственных отношениях. (2) Так как буквы не могут ни о чем писать умело и живо, то сочинения их бесполезны для читателей. Действительно, если изъять из истории то, что может научить нас, то от нее останется ничего не стоящее и совсем бесполезное. (3) Непременно получится то же самое, если кто-нибудь, не имея нужных для того сведений, вздумает подробно описывать города и страны; многое достойное, упоминания будет обойдено молчанием, и наоборот, многие неважные предметы будут описаны широковецательно.

XII, 25h. ... Тимей... остался, как всем известно, несведущим в военном деле и не осматривал самлично никаких местностей. (2) Поэтому, если Тимей в своей истории касается военного дела или описывает местность, то неоднократно обнаруживает незнание и делает множество ошибок; а в тех случаях, когда приближается к истине, он напоминает живописцев, пишущих свои картины с набитых чуточек. (3) И у них иной раз верно передают внешние очертания, но изображения действительных животных, что в живописи главное. То же самое наблюдается на Тимее и вообще на писателях, владеющих только книжною мудростью. (4) Им недостает наглядности изложения, которая приобретает только собственным опытом

писателя. Вот почему не могут вызвать в читателей настоящего воодушевления те истории, которые сами не воспринимали событий в действии. (5) И предшественники наши точно так же требовали от исторических сочинений такой живости изображения, чтобы читатель, когда, например, речь идет о государственных делах, мог невольно воскликнуть, что пишущий посвящен был в государственные дела и был испытан в этой области; когда рассказывается о военных действиях, читателю должно представляться, что пишущий участвовал в походах и сражениях; когда речь идет о частных отношениях, должно испытывать такое чувство, будто пишущий воспитывал детей и жил с женщиной. То же применимо ко всякому разряду предметов. (6) Такое достоинство изложения, на верное, можно встретить у тех только писателей, которые познали жизнь собственным опытом и которые избрали предметом повествования пережитое ими самими. Конечно, трудно принимать личное деятельное участие во всем, но необходимо собственным опытом познаться по крайней мере с важнейшими и обыденнейшими областями жизни.

II. Историческое в Древнем Риме

Квинт Эний «Анналы» (пер. С.А. Ошерова)⁴

I, 1-2.

Музы, вы, что Олимп попираете вашей ступою...

Будут наши стихи среди обширных земель и народов

Славными слыть...

I, 80-100.

Оба брата [Ромул и Рем. — М.Х.] большой озабочены были заботой:

Власти желая, они занялись гаданьем по птицам...

... Рем предается один гаданью: счастливаю птицу

Он выжидает. Меж тем на высоком холме Авентинском

Ромул прекрасный ждет, наблюдает летучее племя.

Так состязались они, град называть Ремором или Римом.

Граждан забота томит, кто ж будет из двух властелином.

Так же в миг, когда знак подать готовится консул,

Зрители жадно глядят на барьер начальной решетки,

Ждут, когда из ворот расписных полетит колесница;

Так же народ ожидал и речи держал меж собою,

Кто из двоих близнецов получит победу и царство.

Вновь ослепительный свет появился, пронзенный лучами,

И тотчас с высоты прекрасная быстрая птица
Слева на счастье летит. Но вышло солнце златое —
Падают с неба тогда священных трижды четыре
Тела птиц, и к счастливым местам направляются быстро.
Ромул увидел тогда, что ему отдано предпочтенье,
Трон и власть над страной установлены этим гаданьем.

I, 109.

О Тит Татий тиран, тяготят тебя тяготы эти!

**Свидетельства поздних авторов о трудах анналистов
Корнелий Непот «О римских историках»** (пер. Н.Н. Грухиной)

3. С молодых лет он [Катон Старший. — М.Х.] сочинял речи, в старости начал писать исторический труд, насчитывающий семь книг. Первая содержит деяния римских царей. Вторая и третья рассказывают о происхождении всех италийских городов, и от этого, по-видимому, все книги называются «Началами». В четвертой говорится о 1-ой Пунической войне, в пятой — 2-ой, но все их события изложены в общих чертах. Таким же образом пересказал он и остальные войны до претурсы Сервия Гальбы, который ограбил лузитан, — не называя участвовавших в них полководцев и отмечая сражения без имен. В тех же книгах представил он все примечательные или казавшиеся таковыми события, имевшие место в Италии и обеих Испаниях. Произведение его обнаруживает много усердия и добросовестности, но мало искусства.

Цицерон «О законах» (пер. В.О. Горенштейна)⁵

I, 6. Поэтому приступи, пожалуйста, к делу и выбери время для такого сочинения о событиях, донные либо неизвестных нашим соотечественникам, либо оставленных ими без внимания. Ибо, если — после летописей верховных понтификов, самых приятных книг, какие только могут быть, — обратиться к Фабию, или к тому человеку, о котором ты всегда упоминаешь, — к Катону, или к Писону, или к Фаннию, или к Веннонию (хотя среди них один отличается большей, другой — меньшей силой изложения), то кто может быть скучнее всех этих людей? Правда, Целий Антипатр, современник Фанния, писал немного живее; именно он, хотя и отличался грубой силой и необработанным языком и был лишен блеска и искусства, все же мог подвинуть остальных на то, чтобы они писали тщательнее. Но вот ему на смену пришли Геллий, Клодий и Асселион; у них нет ничего общего с Целием, скорее есть нечто общее с бесцветностью изложения и неловкостью писателей старшего поколения. 7. Ибо зачем мне упоминать о Макре? Он при

⁴ Палонская К. П., Попова Л. П. Хрестоматия по ранней римской литературе. М., 1984. С. 33-34, 36.

⁵ Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Изд. подг. И.Н. Веселовский и др. М., 1966.

всей своей многооречивости, правда, отличается некоторым остроумием, но все же заимствует его не из ученого изобилия греков, а у жалких латинских переписчиков. Но его друг Сисенна, вводя в речах многое, вполне подходящее для латинского языка, несомненно, превзошел всех писателей, живших до нашего времени, — за исключением, пожалуй, тех, которые еще ничего не выпустили в свет; судить о них мы не можем. Однако в вашем кругу Сисенну никогда не считали оратором, и историю свою он излагал как-то по-ребячески, так что он, из всех греческих писателей читавший, по видимому, одного лишь Клитарха, а кроме него не читавший никого, одному ему и хочет подражать; однако, если бы он и смог с ним сравняться, ему все же было бы далеко до совершенства.

Цицерон «Об ораторе» (пер. Ф.А. Петровского)⁶

II, 12. — А все-таки, — сказал Антоний, — не очень-то презирай наших: когда-то и греки писывали так же, как наш Катон, Пиктор и Пизон. Ведь история была не чем иным, как летописным сводом, который сохранял для общества память о событиях; и для того-то от начала Рима вплоть до понтифика Публия Муция великий понтифик вел запись всех событий по годам, заносил ее на белую скрижаль и выставлял в своем доме для ознакомления с ней народа; эти записи и поныне называются Великой Летописью. Подобного способа письма держались многие; они оставили только лишние всяких украшений памяти о датах, людях, местах и событиях. Каковы у греков были Ферекид, Гелланик, Акусилай и очень многие другие, таковы наши Катон, Пиктор, Пизон; они не знают, чем украшается речь (эти украшения явились у нас лишь недавно), они хотят лишь быть понятными и единственным достоинством речи считают краткость. Только славный Ангиагра, друг нашего Красса, поднялся несколько выше и придал истории более возвышенный тон, а все остальные писали не художественную историю, простой рассказ о событиях

Корнелий Непот «О знаменитых иноземных полководцах» (пер. Н.Н. Трухиной)

Предисловие. Не сомневаюсь, Атик, что найдутся многие люди, которые сочтут сочинение подобного рода легкомысленным и не слишком достойным своих важных героев, коль скоро они прочтут сообщение о том, кто учил музыке Эламинонда, или в перечне его добродетелей встретят упоминание о том, что он изящно танцевал и умело играл на флейте. Но таковыми окажутся, наверное, читатели, чуждые греческой образованности, которые считают правильным только то, что согласуется с их понятиями. Если же они узнают, что все народы понимают достойное и позорное не

одинаково, но судят обо всем по обычаям своих предков, то не станут удивляться, что я рассказываю о доблести греков, сообразуясь с их нравами. Не стыдно было, например, великому афинскому гражданину Кимону взять в жены родную сестру, поскольку сограждане его придерживались такого же правила; по нашим же обычаям это считается нечестивым. На Крите юношам вменяется в похвалу иметь как можно больше поклонников. В Лакедемонне нет такой знатной вдовы, которую нельзя было бы пригласить в гости за деньги. Во всей почти Греции большой честью считалось быть провозглашенным победителем на Олимпийских играх, и во всех ее племенах ни для кого не считалось позорным выступать на сцене, теща зрелищем народ; а у нас такие занятия расцениваются либо как позорные, либо как низкие и не совместимые с достоинством. И, напротив, многое из того, что считается по нашим обычаям пристойным, кажется для греков постыдным. Например, кто из римлян постесняется привести на пир жену? Или чья мать семейства не занимает почетнейшего места в доме и не бывает в обществе? В Греции все происходит совершенно иначе. К столу, женщина приглашается только в том случае, если собирается родня, и пребывает она постоянно только во внутренней части дома, именуемой гинекеем, куда нет доступа никому, кроме близких ее родственников. Рассуждать об этом дальше мешает как значительный объем сочинения, так и последнее мое желание изложить тот предмет, за который я взялся. Поэтому приступаю к своему уроку, дабы поведать в этой книге о жизни выдающихся полководцев.

Гай Юлий Цезарь «Записки о Галльской войне» (пер. М.М. Покровского)

I, 1. Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут белльги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от белльгов — Матрона и Секвана. Самые храбрые из них — белльги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана, и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна белльгов; но со стороны секванов и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна белльгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до Нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет

⁶ Цицерон. Три трагата об ораторском искусстве / Пер. Ф.А. Петровского и др. М., 1994.

от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Оксана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

II, 25. Ободрив 10-й легион, Цезарь направился к правому флангу. Там он увидал, что его солдаты теснят, манипулы со своими знаменами сбились в одно место, солдаты 12-го легиона своей скученностью сами себя затрудняют в сражении, у 4-й когорты перебиты все центурионы и знаменщик и отбито даже знамя, у остальных когорт убиты или ранены почти все центурионы, в том числе и центурион первого ранга, необыкновенно храбрый П. Секстий Бакул, так тяжело изранен, что от слабости уже не может держаться на ногах, а остальные потеряли энергию; из задних рядов некоторые от истощения сил оставляют поле сражения и уходят из сферы обстрела, а тем временем враги безостановочно идут снизу на фронт римского лагеря и наступают на оба фланга; вообще все положение было очень опасно и не было под руками никакого подкрепления. Тогда Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрив солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее исполнить свой долг, то напор врагов был несколько задержан.

Гай Юлий Цезарь «Записки о Гражданской войне» (пер. М.М. Покровского)

III, 95. Загнав бегущих помпеянцев в их окопы. Цезарь решил не давать уstraшенным врагам оправиться и закричал своим солдатам, что теперь они должны воспользоваться милостью судьбы и атаковать лагерь. Хотя они были изнурены чрезвычайной жарой (сражение затянулось до полудня), но ведь они вообще охотно шли на всякое трудное дело и потому немедленно повиновались его приказу. Лагерь энергично защищали когорты, оставленные для его охраны, но с особенной храбростью фракийцы и другие вспомогательные отряды из варваров. Бежавшие же с фронта солдаты были так уstraшены и изнурены, что большей частью побросали оружие и военные знамена и думали больше о дальнейшем бегстве, чем о защите лагеря. Но и те, которые стояли на валу, не могли долее вынести множества снарядов; изнемогая от ран, они должны были оставить свой пост; и тогда все под предводительством центурионов и военных трибунов тотчас же побежали на очень высокие горы, примыкавшие к лагерю.

96. В лагере Помпея можно было увидеть выстроеные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки Л. Лентула и некоторых других были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди

упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости! Когда наши были уже в лагере, Помпей сел на коня, снял с себя императорские отличия, бросился из лагеря задними воротами и тотчас же рысью поскакал в Ларису. Но и там он не стал задерживаться. Вместе с немногими друзьями, которые в бегстве присоединились к нему, и в сопровождении тридцати всадников он все с той же быстротой скакал день и ночь к морю. Здесь он сел на корабль с хлебом и, как говорили, часто при этом жаловался на то, что обманулся в своих предположениях: как раз те части, от которых он ожидал победы, обратились в бегство и предали его.

Гай Саллюстий Крисп «О заговоре Катилины» (пер. В.О. Горенштейна)

5. (1) Лучший Катилина, человек знатного происхождения, отличался большой силой духа и тела, но злым и дурным нравом. (2) С юных лет ему были по сердцу междоусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он и провел свою молодость. (3) Телом он был невероятно вынослив... (4) Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстях; красноречия было достаточно, разумности мало. (5) Его неуемный дух всегда стремился к чему-то чрезмерному, невероятному, исключительному. (6) После единовластия Луция Суллы его охватило неистовое желание встать во главе государства, но как достичь этого — лишь бы только получить царскую власть, — ему было безразлично. (7) С каждым днем все сильнее возбуждался его необузданный дух, подстрекаемый недостатком средств и сознанием совершенных преступлений; и то и другое усиливалось из-за его наклонностей... (8) Побуждали его, кроме того, и испорченные нравы гражданской общины, страдавшие от двух наихудших противоположных зол: роскоши и алчности.

9. (1) Итак, и во времена мира, и во времена войны добрые нравы почитались, согласие было величайшим, алчность — наименьшей. Право и справедливость жидились на велении природы, в такой же мере, как и на законах. (2) Ссоры, раздоры, неприязнь — это было у врагов; граждане соперничали между собой в доблести. Во время молебствий они любили пышность, в частной жизни были бережливы, друзьям — верны. (3) Двумя качествами — храбростью на войне и справедливостью после заключения мира — они руководствовались, управляя государством. (5) ... Во времена мира они правили не столько страхом, сколько милостями, и, испытав обиду, предпочитали прощать, а не преследовать за нее... 10 (1) Но когда государство благодаря труду и справедливости увеличилось, когда могущественные цари были побеждены в войнах, дикие племена и многочисленные народы покорены силой, Карфаген, соперник Римской державы, разрушен до основания и все моря и страны открылись для победителей, то Фортуна начала свирепствовать и все ниспровергать. (2) Кто

ранее легко переносил труды, опасности, сомнительные и даже трудные обстоятельства, для тех досуг и богатства, желанные в иных случаях, становились бременем и несчастьем. (3) И вот, сначала усилилась жажда денег, затем — власти; все это было как бы главной пищей для всяческих зол. (4) Ибо алчность уничтожила верность слову, порядочность и другие добрые качества; вместо них она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всем и пренебрегать богами. (5) Честолюбие побудило многих быть лживыми, держать одно затаенным в сердце, а другое — на языке готовым к услугам, оценивать дружбу и вражду не по их сути, а по их выгоде и быть добрыми не столько в мыслях, сколько притворно. (6) Вначале это усиливалось постепенно, иногда каралось; впоследствии, когда людей поразила зараза, подобная мору, гражданская община изменилась; правление из справедливейшего и наилучшего стало жестоким и нетерпимым.

53. (2) Я много читал, много слышал о славных подвигах римского народа, совершенных им во времена мира и на войне... и мне захотелось выяснить, что более всего способствовало этому. (3) Я знал, что многочисленные римские отряды нередко бились с большими легионами врагов; я установил, что римляне малыми силами вели войны с могущественными царями; что они при этом часто переносили жестокие удары Фортуны; что красноречием римляне уступали грекам, а военной славы — галлам. (4) И мне после долгих размышлений стало ясно, что все это было достигнуто выдающейся доблестью немногих граждан и именно благодаря ей бедность побеждала богатство, малочисленность — множество. (5) Но когда роскошь и праздность развратили гражданскую общину, государство благодаря своему могуществу все-таки держалось, несмотря на пороки военачальников и магистратов, и, словно обессиленный родами, Рим долгие годы не порождал человека великой доблести. (6) Но на моей памяти выдающейся доблестью, правда, при несходстве характеров, отличались два мужа — Марк Катон и Гай Цезарь...

Гай Саллюстий Крисп «Югуртинская война» (пер. В.О. Горенштейна)

41. (1) Впрочем, дурная склонность к раздорам между народам и знатью, а впоследствии ко всяческому порокам возникла в Риме несколькими годами ранее, во времена мира и изобилия всего того, чему люди придают наибольшую ценность. (2) Ибо до разрушения Карфагена римский народ и сенат делили между собой государственные дела мирно, проявляя сдержанность, и граждане не оспаривали друг у друга ни славы, ни господства: страх перед врагами заставлял гражданскую общину быть верной своим добрым законам. (3) Но когда люди избавились от этого страха, разумеется, появилось то, чему благоприятствуют счастливые обстоятельства, — распушенность и гордость. (4) И спокойствие, к которому стремились во времена несчастий, теперь, когда его достигли, оказалось более тягостным и более суровым, чем сами эти несчастия. (5) Ибо знать начала произвольно пользоваться своим высоким положением, народ —

своей свободой, каждый стал тянуть к себе, грабить, хватать. Так обе стороны растащили все; государство, находившееся между ними, оказалось разтерзано. (6) Впрочем, знать была более могущественна своей сплоченностью, народ же, разъединенный и рассеянный ввиду его многочисленности, был слабее. (7) Во времена войны и мира дела вершились кучкой людей; в ее же руках были казна, провинции, магистратуры, пути к славе и триумфы; народ страдал от военной службы и от бедности; военную добычу расхищали полководцы и их приближенные. (8) В то же время родителей и маленьких детей солдат, если их соседом являлся более могущественный человек, выгоняли из их жилищ. (9) Так вместе с могуществом распространялась безмерная и ненасытная алчность; она не знала ничего святого и окверняла и опустошала все, пока сама себя не погубила. (10) Ибо, как только среди знатных нашлись люди, способные предпочесть истинную славу несправедливому могуществу, гражданская община стала обновляться, и среди граждан возникали раздоры, подобные землетрясению.

Тит Ливий «История Рима от основания Города» (пер. под ред. Е.С. Голубцовой)

Введение. (1) Создам ли нечто, стоящее труда, если опишу деяния народа римского от первых начал Города, того твердо не знаю, да и знал бы, не решился бы сказать, (2) ибо вижу — затея эта и старая, и не необычная, коль скоро все новые писатели верят, что дано им либо в изложении событий приблизиться к истине, либо превзойти искусную древность в умении писать. (3) Но, как бы то ни было, я найду радость в том, что и я, в меру своих сил, постараюсь увековечить подвиги первенствующего на земле народа; и, если в столь великой толпе писателей слава моя не будет заметна, утешением мне будет знатность и величие тех, в чьей тени окажется мое имя. (4) Сверх того, самый предмет требует трудов непомерных — ведь надо углубиться в минувшее более чем на семьсот лет, ведь государство, начав с малого, так разрослось, что страдает уже от своей громадности; к тому же рассказ о первоначальных и близких к ним временах, не сомневаясь, доставит немного удовольствия большому числу читателей — они поспешат к событиям той недавней поры, когда силы народа, давно уже могущественного, истребляли сами себя; (5) я же, напротив, и в том буду искать за свой труд, что, хотя на время — пока всеми мыслями устремляюсь туда, к старине, — отвлекусь от зрелища бедствий, свидетелем которых столько лет было наше поколение, и освобожусь от забот, способных если не отклонить пишущего от истины, то смутить его душевный покой. (6) Рассказы о событиях, предшествовавших основанию Города и еще более ранних, приличны скорее творениям поэтов, чем строгой истории, и того, что в них говорится, я не намерен ни утверждать, ни опровергать. (7) Древности простиительно, мешая человеческое с божественным, возвеличивать начала

городов; а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам, то военная слава народа римского такова, что, назови он самого Марса своим предком и отцом своего родоначальника, племена людские и это снесут с тем же покорством, с каким сносят власть Рима. (8) Но подобного рода рассказам, как бы на них ни смотрели и что бы ни думали о них люди, я не придаю большой важности. (9) Мне бы хотелось, чтобы каждый читатель в меру своих сил задумался над тем, какова была жизнь, каковы нравы, каким людям и какому образу действий — дома ли, на войне ли — обязана держава своим зарождением и ростом; пусть он далее последует мыслью за тем, как в нравах появились справа разлад, как потом они зашатались и, наконец, стали падать неудержимо, пока не дошло до нынешних времен, когда мы ни пороков наших, ни лекарства от них переносить не в силах. (10) В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видяшь всякого рода поучительные примеры в обрамление величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же — что избегать: бесславные начала, бесславные концы.

VII, 29. (2) За самнитской войной, ведающейся с переменным успехом, последовала война с Пирром, за Пирром — с пунийцами. Сколько вынесли! Сколько раз стояли на краю гибели, чтобы воздвигнуть наконец эту, грозную рухнувшую, державную громаду!

XXI, 4. (3) Никогда еще душа одного и того же человека [Ганнибала. — М.Х.] не была так равномерно приспособлена к обеим, столь разнородным обязанностям — повелению и повиновению; поэтому трудно было различить, кто им более дорожил — полководец или войско. (4) Никого Гздрубал не назначал охотнее начальником отряда, которому поручалось дело, требующее отваги и стойкости; но и воины ни под чьим началом не были более уверены в себе и более храбры. (5) Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же бывал осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. (6) И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь. (7) Покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов; при том он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых. (8) Одеждой он ничуть не отличался от ровесников; только по вооружению да коню его можно было узнать. Как в коннице, так и в пехоте он далеко оставил за собою прочих; первым устремлялся в бой, последним оставлял поля сражения. (9) Но в одинаковой мере с этими высокими достоинствами обладал он и ужасными пороками. Его жестокость доходила до бесчеловечности, его вероломство превосходило даже пресловутое пунийское вероломство. Он не знал ни правды, ни добродетели, не боялся богов, не соблюдал клятвы, не уважал святых. Будучи одарен этими хорошими и дурными качествами, он в течение своей

трехлетней службы под начальством Гздрубала с величайшим рвением исполнял все, присматривался ко всему, что могло развить в нем свойства великого полководца.

XXXVI, 49. (1) Сципий велел позвать заложников-испанцев [209 г. до н.э. — М.Х.]. Досада берет называть их число: у одних писателей я нахожу, что их было около трехсот, у других — три тысячи семьсот двадцать четыре; такое же разногласие и в остальном... (4) Даже в именах полководцев есть расхождение... (6) Различно число захваченных кораблей, различны суммы захваченных денег и слитков золота и серебра. Если надо с кем-то соглашаться, то правдоподобнее средние числа.

XXXI, 1. (1) Завершив рассказ о Пунической войне, я испытываю такое же облегчение, как если бы сам разделил ее трудности и опасности. (2) Конечно, тому, кто дерзко замыслил поведать обо всех деяниях римлян, не подобало бы жаловаться на усталость, окончив лишь часть предпринятого, но едва вспомню, что шестьдесят три года (3) от первой Пунической войны до исхода Второй (4) заняли у меня столько же книг, сколько четырехста восемьдесят восемь лет от основания Города до консульства Аппия Клавдия, начавшего первую войну с Карфагеном, (5) я начинаю чувствовать подобно человеку, вступившему в море, — после первых шагов по прибрежной отмели разверзается под ногами пучина, уходит куда-то дно, и едва ли не разрастается труд, на первых порах, казалось, сокращавшийся по мере продвижения вперед.

XXXIX, 6. (7) Именно это азиатское воинство [римское войско, вернувшееся после войны с Антиохом III Великим. — М.Х.] познакомил Город с чужеземной роскошью. Тогда впервые были привезены в Рим отделанные бронзой пиршественные ложа, дорогие накидки и покрывала, ковры и салфетки, столовое серебро чеканной работы, столики из драгоценных пород дерева... (8) Именно тогда повелось приглашать на обеды афристок и кифаристок, устраивать для пирующих и другие увеселения, да и сами обеды стали готовить с большими затратами и стараниями. (9) Именно тогда стали платить большие деньги за поваров, которые до этого считались самыми бесполезными и дешевыми рабами, и поварской труд из обычной услуги возвели в настоящее искусство. Но это было только начало, лишь зародыш будущей порчи нравов.

Корнелий Тацит «Анналы» (пер. А.С. Бобовича)

I, 1. Но о древних делах народа римского, счастливых и несчастливых, писал прославленные историки; не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возрастающее пресмыкательство перед ним. Деяния Тиберия и Гая, а также Клавдия и Нерона, откуда они были всеильны, из страха пред ними были излагаемы лживо, а когда их не стало — под воздействием оставленной ими по себе еще свежей ненависти. Вот почему я намерен, в немногих словах

рассказав о событиях под конец жизни августа, повести в дальнейшем рассказ о принципе Тиберия и его преемников, без гнева и пристрастия, причины которых от меня далеки.

I, 9. Среди людей мыслящих одни на все лады превозносили его жизнь [Августа. — М.Х.], другие — порицали. Первые указывали на то, что к гражданской войне — а ее нельзя ни подготовить, ни вести, соблюдая добрые нравы, — его принудили почительная любовь к отцу и бедственное положение государства, в котором тогда не было места законам. Во многом он пошел на уступки Антонию, стремясь отомстить убийцам отца, во многом — Лепиду. После того как этот утратил влияние по неспособности, а тот опустился, погрязнув в пороках, для источаемой раздорами родины не оставалось иного спасения, кроме единовластия; но, устанавливая порядок в государстве, он не присвоил себе ни царского титула, ни диктатуры, а принял наименьшее принцепса: ныне империя ограждена морем Океаном и дальними реками; легионы, провинции, флот — все между собою связано; среди граждан — правосудие, в отношении союзников — умеренность; сам город украсился великолепным убранством; лишь немногое было совершено насильем, чтобы во всем остальном были обеспечены мир и покой.

III, 55. Богатые и знатные или особенно знаменитые семьи с давних пор были влекомы к показному блеску. Ибо в те времена еще не возбранялось благодетельствовать простому народу, союзникам и подвластным нам царствам и быть почитаемыми ими. И чем больше кто-либо выделялся богатством, великолепием дома и пышностью его внутреннего убранства, тем больший почет окружал его имя и тем больше имел он клиентов. Но после того как начали свирепствовать казни и громкая слава стала неминуемо вести к гибели, остальные благоразумно притихли и затаились. Вместе с тем все чаще допускавшиеся в сенат новые люди из муниципиев, колоний и даже провинций принесли с собою привычную им бережливость, и хотя многие среди них благодаря удаче или усердию к старости приобрели богатства, они сохраняли тем не менее прежние склонности. Но больше всего способствовал возвращению к простоте нравов державшийся старинного образа жизни Веспасиан. Угодливость по отношению к принцепсу и стремление превзойти его в неприязнительности оказались сильнее установленных законами наказаний и устрашений. Впрочем, быть может, всему существующему свойственно некое круговое движение, и как возвращаются те же времена года, так обстоит и с нравами; не все было лучше у наших предшественников, кое-что похвальное и заслуживающее подражания потомков принес и наш век. Так пусть же это благородное соревнование с предками будет у нас непрерывным!

XVI, 16. Даже если бы я описывал внешние войны и говорил о павших в них за отечество, подобное однообразию их гибели и во мне самом породило бы пресыщение, и я бы наскучил другим, которых отвратил бы этот мрачный и непрерывный рассказ о смертях римских граждан, с каким бы мужеством и достоинством они их ни встретили; а тут — рабское долготерпение и потоки пролитой внутри страны крови угнетают душу и

сковывают ее скорбью. Но у тех, кто ознакомится с этим моим трудом, я прошу снисхождения не за что другое, как только за то, что не питаю ненависти к огдавшим себя с такою покорностью на истребление. То был гнев божеств, обрушенный ими на Римское государство, и пройди мимо него, один раз упомянув, как если бы дело шло о пораженных войск или о взятых городов, невозможно. Воздадим же должное памяти этих именитых мужей, и если похороны людей подобного рода принято отличать от всех остальных пышностью и торжественностью обрядов, то пусть они будут почтены и поествованием о постигшей их участи.

Корнелий Тацит «История» (пер. Г.С. Кнабе)

I, 1. Но после битвы при Акции, когда в интересах спокойствия и безопасности всю власть пришлось сосредоточить в руках одного человека, эти великие таланты перевелись. Правду стали всячески искажать — сперва по неведению государственных дел, которые люди начали считать себе посторонними, потом — из желания польстить властителям или, напротив, из ненависти к ним. До мнения потомства не стало дела ни хулителям, ни льстецам. Но если лесть, которой историк пользуется, противна каждому, то к наветам и клевете все охотно прислушиваются; это и понятно: лесть несет на себе отвратительный отпечаток рабства, тогда как коварство выступает под личной любви к правде. Если говорить обо мне, то от Гальбы, Отона и Вителлия я не видел ни хорошего, ни плохого. Не буду отрицать, что начало моим успехам на службе положил Веспасиан, Тит умножил их, а Домициан возвысил меня еще больше; но тем, кто решил неколебимо держаться истины, следует вести свое повествование, не поддаваясь любви и не зная ненависти. Старость же свою, если только хватит жизни, я думая посвятить труду более благодарному и не столь опасному: рассказать о принцепате Нервы и о владычестве Траяна, о годах редкого счастья, когда каждый может думать, что хочет, и говорить, что думает.

II, 38. Жажда власти, с незапамятных времен присущая людям, крепла вместе с ростом нашего государства и, наконец, вырвалась на свободу. Пока римляне жили скромно и неприхотливо, соблюдать равенство было нетрудно, но вот весь мир покорился нам, города и цари, соперничавшие с нами, были уничтожены, и для борьбы за власть открылся широкий простор. Вспыхнули раздоры между сенатом и плебсом; то буйные трибуны, то властолюбивые консулы одерживали верх один над другим; на Форуме и на улицах Рима враждующие стороны пробовали силы для грядущей гражданской войны. Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Сулла оружием подавили свободу, заменив ее самовластьем. Явившийся им на смену Гней Помпей был ничем не лучше, только действовал более скрытно; и с этих пор борьба имела одну лишь цель — принципат. У Фарсалии и под Филиппами легионы, состоявшие из римских граждан, не поколебались поднять оружие друг против друга, — нечего и говорить, что войска Отона и Вителлия тоже не сложили бы оружия

по доброй воле. Все тот же гнев богов и все то же людское безумие толкали их на борьбу друг с другом, все те же причины породили и эту преступную войну, и только из-за бездарности правителей подобные войны оканчиваются после первой же битвы.

III, 51. В сочинениях самых прославленных историков я нахожу факты, показывающие, сколь бессовестно преступали победители все заповеди богов. Один рядовой конник пришел к командирам, заявил, что убил в последнем сражении своего брата, и потребовал за это вознаграждения. Положение в войске сложилось такое, что наказать его было невозможно, наградить же — бесчеловечно и незаконно. Командиры ответили, что совершенный им подвиг заслуживает почестей, воздать которые в походных условиях невозможно, поэтому лучше отложить дело до другого времени. Позже об этом случае уже не вспоминали. Подобные преступления случались в истории гражданских войн и раньше. В битве с Цинной у Яникульского холма один из воинов-помпейцев, как рассказывает Сизенна, убил, не узнав его, своего родного брата, а поняв, что произошло, тут же покончил с собой: вот насколько превосходили нас наши предки, — и вознаграждая доблесть, и карая преступления. Подобные примеры из прошлого, если только они к месту, я и впредь буду приводить всякий раз, когда нужно прославить доблесть или найти утешение в беде.

III, 83. Жители, наблюдавшие за этой борьбой [флавианцев и вителлианцев на улицах Рима. — М.Х.], вели себя как в цирке — кричали, аплодировали, поощряли то тех, то этих. Если одни брали верх и противники их прятались в лавках или домах, чернь требовала, чтобы укравшихся выволакивали из убежища и убивали; при этом ей доставалась большая часть добычи: поглотившие убийством и борьбой солдаты предоставляли толпе расхватывать награбленное. Охваченный жестокостью город был неузнаваем и безобразен. Бушует битва, падают раненые, а рядом люди принимают ванны или пьянствуют; среди потоков крови и валяющихся мертвых тел разгуливают уличные женщины и мужчины, подобные им; роскошь и распухлость мирного времени, а рядом — жестокости и преступления, как в городе, захваченном врагом; безумная ярость и ленивый разврат владеют столицей. Столкновения вооруженных войск бывали в Риме и раньше, дважды приносили они победу Луцию Сулле, один раз Цинне; и в ту пору совершалось не меньше жестокостей. Но только теперь появилось это чудовищное равнодушие. Никому и в голову не пришло хоть на минуту отказать от обычных развлечений; события, разыгравшиеся на улицах города, казалось, придавали празднику еще больше блеска. Все ликовали, все захлебывались от восторга — и не оттого, что сочувствовали какой-либо из партий, а оттого, что радовались несчастьям своего государства.

Гай Светоний Транквилл «Жизнь двенадцати цезарей» (пер. М.Л. Гаспарова)

Божественный Август, 9. Обрисовав его жизнь в общих чертах, я останавливаюсь теперь на подробностях, но не в последовательности времени, а в последовательности предметов, чтобы можно было их представить нагляднее и понятнее.

Калигула, 19. (3) Я знаю, что, по мнению многих, Гай выдумал этот мост в подражание Ксерксу, который вызвал такой восторг, перегородив много более узкий Геллеспонт, а по мнению других — чтобы славы исполинского сооружения устроить Германию и Британию, которым он угрожал войной. Однако в детстве я слышал об истинной причине этого предприятия от моего деда, который знал о ней от доверенных придворных: дело в том, что когда Тиберий тревожился о своем преемнике и склонялся в пользу родного внука, то астролог Фрасилл заявил ему, что Гай скорей на конях проскачет через Байский залив, чем будет императором.

Божественный Клавдий, 1. (4) Говорят, он равно любил и воинскую славу и гражданскую свободу... и всегда открыто говорил о своем намерении при первой возможности восстановить прежний государственный строй. Поэтому-то, я думаю, и сообщают некоторые, будто Август стал его подозревать и отозвал из провинции, и так как тот медлил, отравил его ядом. (5) Но этот слух я упоминаю лишь затем, чтобы ничего не пропустить, а не оттого, будто считаю его истинным или правдоподобным: ведь Август и при жизни так его любил, что всегда назначал сонаследником сыновьям... и после его смерти так хвалил его перед народом, что даже молил богов, чтобы молодые Цезари были во всем ему подобны, и чтобы он сам мог умереть так же достойно, как умер Друз. И не довольствуясь этой похвалою, гробницу его украсил стихами своего сочинения, а о жизни его написал воспоминания в прозе.

Писатели истории Августов (пер. С.П. Кондратьева)

Антонин Гелиогабал, 1. (1) Я никогда не стал бы описывать жизнь Гелиогабала Антонина, который назывался также Варием (пусть бы никто не знал, что он был римским государем), если бы раньше это же государство не имело Калигул, Неронов и Вителлиев. (2) Но так как одна и та же земля производит ядовитые травы и хлеб, а также другие полезные растения, одна и та же земля порождает змей и домашних животных, то прилежный читатель вознаградит себя, когда в противовес этим чудовищным тиранам будет читать об Августе, Траяне, Веспасиане, Адриане, Пии, Тите, Марке. (3) Вместе с тем он поймет и суждение о них римлян, так как эти последние императоры правили долго и умерли естественной смертью, а те были убиты, трупы их волокли по улицам, к тому же — они были признаны тиранами, и даже имена их неприятно произносить.

Александр Север, 65. (1) Ты неоднократно спрашивал, величайший Константин, что сделано таким государем его, сирийца родом, иноземца, тогда как столько людей, римлян родом, столько людей из других провинций

оказалось бесчестными, грязными, жестокими, отвратительными, несправедливыми, развратными. (2) Прежде всего я могу ответить на основании мнения порядочных людей, что хорошим государем можно быть от природы, которая повсюду является единой матерью. Затем, этот мог стать превосходным под влиянием страха, так как весьма дурной был убит... (4) Твоему благочестию известно — это ты прочитал у Марии Максима, что в лучшем положении и едва ли не в более безопасном состоянии находится то государство, в котором дурной государь, нежели то, в котором дурные друзья государя, так как недостатки одного дурного могут быть исправлены многими хорошими людьми, но над многими дурными людьми никоим образом не может одержать верх один, как бы он ни был хорош.

Божественный Аврелиан, 43. (1) Спрашивается, что делает государей дурными. Прежде всего, друг мой, безнаказанность, затем обилие всяких средств, кроме того, бесчестные друзья, заслуживающие проклятия прислужники, алчные евнухи, глухие или презренные придворные и... неосведомленность в государственных делах... (3) Собираются четверопятеро человек, договариваются между собой обманывать императора и подсказывают ему, что он должен утвердить. (4) Император, запертый в своем доме, не знает истины. Он вынужден знать только то, что говорят ему эти люди; он назначает судьями тех, кого не следовало бы назначать, отстраняет от государственных дел тех, кого он должен был бы привлекать... Как говорил сам Диоклетиан, хорошего, осторожного, превосходного государя продают за деньги.

Аммиан Марцеллин «Римская история» (пер. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни)

XIV, 6. (2) А так как, быть может, те, кто не жил в Риме и кому доведется читать мою книгу, удивятся, почему в случаях, когда мое повествование доходит до событий в Риме, речь идет только о волнениях в харчевнях и тому подобным низким предметах, то я кратко изложу причины этого, никогда намеренно не уклоняясь от истины... (4) Со своего начала и до конца времени детства, т.е. почти в течение 300 лет, римский народ выдерживал войны вокруг стен города. Затем, войдя в возраст, после многообразных невзгод на полях битв он перешел Альпы и через морской пролив; а, став юношей и мужем, стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, входящих в необъятный круг земной; склонялся к старости и нередко одерживая победы одним своим именем, он обратился к более спокойной жизни. (5) Поэтому-то достославный город, согнув гордую выю диких народов и дав законы, основы свободы и вечные устои, словно добрый, разумный и богатый отец, предоставил управление своим имуществом Цезарям, как своим детям. (6) И хотя трибы давно бездействуют, центурии успокоились, нет борьбы из-за подачи голосов, и как бы вернулось спокойствие времен Нумы Помпилия, но по всем, сколько их ни есть, частям

земли чтят Рим, как владыку и царя, и повсюду в чести и славе седина сената и имя римского народа. (7) Но этот великолепный блеск Рима умалется преступным легкомыслием немногих, которые, не помышляя о том, где они родились, так словно им предоставлена полная свобода для пороков, впадают в заблуждения и разврат... (8) Некоторые из них, полагая, что могут себя увековечить статуями, страстно добиваются их, словно в медных мертвых изображениях заключена награда более высокая, нежели заключенная в сознании за собой честной и благородной деятельности... (9) Другие, почитая вышнее отличие в необычно высоких колесницах и великолепии одеяния, потенот под тяжестью плащей, застегнутых на шее и прихваченных у пояса... (10) Третьи, напуская на себя важность, преувеличенно хвалясь, когда их о том и не спрашивают, размерами своих поместий, уможая, например, ежегодные доходы со своих плодородных полей, раскинувшихся с самого востока и до крайнего запада; при этом он забывают, что предки их, благодаря которым достигло таких размеров римское государство, стяжали славу не богатствами, а жестокими войнами: ни в чем не отличаясь от простых солдат по имуществу, пище и одежде, доблестью сокрушали они всякое сопротивление... (25) Что же касается людей низкого происхождения и бедняков, то одни проводят ночи в харчевнях, другие укрываются за завесами театров... режут в кости... или же — и это самое любимое занятие — с восхода солнца и до вечера... обсуждают мелкие достоинства и недостатки коней и возниц. (26) Удивительное зрелище представляет собой эта несметная толпа, ожидающая в страстном возбуждении исхода состязания колесниц. При таком образе жизни Рима там не может происходить ничего достойного и важного.

XV, 1. (1) Насколько я мог разузнать истину, я изложил последовательно как то, что довелось мне видеть самому как современнику, так и то, что можно было выведать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе. Дальнейшее повествование я постараюсь вести по мере сил еще более детально, не опасаясь упреков в излишней растянутости изложения, потому что краткость только тогда заслуживает признания, когда, устраняя излишние подробности, она не причиняет ущерба постижению смысла событий.

XVI, 1. (2) Совершенные им [Юлианом. — М.Х.] в Галлии подвиги, в которых его доблесть была равна его счастью, превзошли многие храбрые деяния древности, и я постараюсь поэтому рассказать о них по отдельности во временной последовательности, приложив к этому все силы моего слабого дарования, если только они будут достаточны для такой задачи. (3) И весь мой рассказ, чуждый всяких хитросплетений лжи, но покоящийся на незыблемых основах только правды, перейдет тем не менее почти в хвалебную речь. (4) Казалось, какая-то счастливая звезда сопровождала этого молодого человека от его благородной колыбели до последнего его вдоха. Быстрыми успехами в гражданских и военных делах он так отличился, что за мудрость считали его вторым Титом... славою военных дел он уподобился Траяну, милосердием был как Антонин, углублением в истинную

философию был близок к Марку, с которым он составлялся своими поступками и нравами.

XXVII, 4. (2) Но так как неясность, возникающая из-за разноречивости показаний, не подходит по характеру для труда, девиз которого — истина, то достаточно будет рассказать то, что я знаю по непосредственному своему знакомству.

XXIX, 1. (15) И так как историк, сознательно умалчивающий о событиях, совершает, очевидно, не меньший обман, чем тот, кто сочиняет никогда не случавшееся, то я не отрицаю... что жизнь Валента была в крайней опасности, как и прежде нередко из-за тайных заговоров, так и тогда, и что меч, почти занесенный над ним военными людьми, отклонила судьба, предопределением которой он был обречен на горестный конец во Фракии.

XXXI, 5. (10) Так как наше повествование после изложения различного рода событий дошло до этого пункта, то я обращаюсь с просьбой к тем, кто будет это читать... не требовать от меня подробного изложения отдельных фактов и обозначения числа погибших, чего никоим образом невозможно с точностью установить. Я считаю достаточным описать важнейшие события, не допуская ни малейшего искажения истины ложью, так как историческому повествованию подобает полное беспристрастие.

XXXI, 16. (9) Вот что я, бывший солдат и грек по происхождению, изложил по мере сил, начав от правления Цезаря Нервы и доведя рассказ до гибели Валента. Я обещал в труде своем представить истину и нигде, как думаю, сознательно не отступил от этого обещания умолчанием или ложью. Остальные события пусть опишут другие, более сильные, чем я, имеющие преимущество молодых лет и учености. Если же они — будь им это угодно — примутся за подобное, то мой им завет — дать своей речи более высокий полет.

III. Греческое историописание в Римской державе

Диодор Сицилийский «Историческая библиотека» (пер. В.М. Строгоцкого)

I, 1 (1) Справедливо, чтобы все люди воздавали большие почести составителям всеобщих историй за то, что они своими трудами старались помочь человеческому обществу в целом; ведь, предложив безопасное изучение пользы, они доставляют читателям посредством этого обучения наилучший опыт.

3. (1) ... мы, видя, что составители историй получают заслуженную похвалу, были преисполнены соответствующей энергией, чтобы взяться за этот труд. Обращая внимание на писателей, живших до нас, мы оценили

очень высоко их замысел, однако мы не считаем, что их сочинения составлены таким образом, что доставляют пользу читателям настолько, насколько это возможно. (2) Ведь хотя польза для читателей заключается в том, чтобы получить знания о самых многочисленных и разнообразнейших обстоятельствах, большинство писателей описывали ограниченные войны, которые велись одним народом или одним государством. Многие брались описать общие дела, начиная с древнего периода и вплоть до их собственного времени, и из них одни не привязывали соответствующие даты к отдельным событиям, другие упустили деяния варварских народов; кроме того, некоторые отвергли древние мифы из-за трудности их обработки, другие намеченный план не закончили, поскольку умерли в расцвете лет по воле судьбы. Из тех, кто осуществил замысел такого сочинения, ни один не продолжил свою историю дальше македонского периода; (3) при этом одни кончали свое повествование делами Филиппа, другие — Александра, третьи — событиями времени диадохов или эпигонов; несмотря на то, что многие и значительные события, совершившиеся после этого, остались забытыми вплоть до нашего времени, ни один из историографов не взялся рассказать о них в одном сочинении из за грандиозности самого предприятия. (4) Поэтому, поскольку даты отдельных событий и сами события разбросаны во многих сочинениях и у различных авторов, существует трудность для их усвоения и запоминания. (5) Итак, изучив состав каждого из этих сочинений, мы решили написать исторический труд, способный доставить читателям наибольшую пользу и наименьшее неудобство. (6) Ведь если бы кто-нибудь пожелал записать сохраняемые в памяти события всего мира, как бы одного государства, начиная с древнейших времен и по возможности вплоть до его времени, он, конечно, принял бы огромный труд, но при этом составил бы наиболее полезнее из всех сочинение для любителей чтения. (7) Из этой истории каждый сможет получить в готовом виде то, что полезно для его собственных целей, как бы черпаемое из большого источника.

4. (1) Поэтому мы, понимая, что такое предприятие является полезным, но требует для своего осуществления много труда и времени, потратили для составления этого сочинения 30 лет и с многими трудностями и опасностями посетили большую часть районов Азии и Европы, с тем чтобы собственными глазами увидеть необходимые и наиболее важные места, потому что из-за незнания местностей многие ошибались — не только заурядные писатели, но и некоторые из тех, которые добились первенства благодаря своей славе. (2) Побудительным мотивом для осуществления этого замысла для нас было стремление к занятию литературным трудом, благодаря которому то, что для всех кажется трудным, получает завершение, а кроме того, в Риме был достаточный запас материалов, имеющих отношение к предложенному сочинению. (3) Ведь превосходство этого города, благодаря могуществу распространившегося до крайних границ обитаемого мира, доставило нам, проживающим в Риме в течение длительного времени, наиболее пригтовленные и многочисленные средства. (4) Мы, происходя из Агрия в Сицилии, вследствие контактов с римлянами, которые жили на острове,

получили хорошее знание языка римлян, поэтому обо всех событиях, имевших отношение к их господству, мы располагали точными сведениями, почерпнутыми из документов, которые у них сохранились в течение длительного времени. (5) Изложение нашей истории мы начали с мифов, получивших распространение среди эллинов и варваров, исследуя засвидетельствованные у тех и других с древних времен факты настолько, насколько это оказалось для нас возможным. (6) Теперь, когда сочинение закончено, пока книги еще не опубликованы, я хочу кратко очертить схему всей работы. Наши первые шесть книг охватывают события и легенды до Троянской войны, из этих книг первые три излагают варварскую древность, следующие почти полностью посвящены древности эллинов; в следующих одиннадцати книгах мы описали всеобщую историю событий, которые совершились в течение времени от Троянской войны до смерти Александра; (7) в следующих 23 книгах мы изложили все остальные события вплоть до начала войны, вспыхнувшей между римлянами и кельтами, во время которой Гай Юлий Цезарь, будучи командующим и обожаемым кельтских народов, подчинил большую часть наиболее воинственных кельтских народов и распространил господство Рима вплоть до Британских островов. Первые события этой войны закончились первым годом 180-й олимпиады в архонтство в Афинах Герода.

Плутарх «Сравнительные жизнеописания» (пер. под ред. С.С. Аверинцева)

Александр, 1. Описывая в этой книге жизнь царя Александра и жизнь Цезаря, победителя Помпея, мы из-за множества событий, которые предстоит рассмотреть, не предположим этим жизнеописаниям иного введения, кроме просьбы к читателям не винить нас за то, что мы перечислим не все знаменитые подвиги этих людей, не будем обстоятельно разбирать каждый из них в отдельности, и наше изложение по большей части будет кратким. Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов. Подобно тому, как художники, мало обращающая внимания на прочие части тела, добиваются сходства благодаря точному изображению лица и выражения глаз, в которых проявляется характер человека, так и нам пусть будет позволено углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека, и на основании этого составлять каждое жизнеописание, предоставив другим воспевать великие дела и битвы.

Эмилей Павел, 1. 1. Мне случилось начать работу над этими жизнеописаниями, выполняя чужую просьбу, но продолжать ее — и притом с большой любовью — уже для себя самого: глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по

примеру тех, о чьих доблестях рассказываю. Всего более это напоминает постоянное и близкое общение: благодаря истории мы точно принимаем каждого из великих людей в своем доме, как дорогого гостя, узнаем, «кто он и что», и выбираем из его подвигов самые значительные и прекрасные... Что до меня, то, привлекая из его подвига самые значительные и прекрасные... Что приучаю себя постоянно хранить в душе память о самых лучших и знаменитых людях, а все дурное, порочное и низкое, что неизбежно навязывается нам при общении с окружающими, отталкивать и отвергать, спокойно и радостно устремляя свои мысли к достойнейшим из образцов.

Кимон, 2. Когда живописец рисует прекрасный, полный прелести облик, мы требуем от него, если этому облику присущ какой-нибудь мелкий недостаток, чтобы он не опустил его совсем, но и не воспроизводил слишком тщательно: ведь в последнем случае теряется красота, в первом — сходство. Равным образом, раз уж трудно или, вернее сказать, просто невозможно показать человеческую жизнь, безусловно чистую, то, как и при передаче сходства, лишь воспроизводя прекрасное, следует держаться истины во всей ее полноте. А в ошибках и недостатках, вкрадывающихся в деяния человека под воздействием страсти или в силу государственной необходимости, должно видеть проявление скорее несовершенства в добродетели, чем порочности, и в повествовании не следует за человеческую природу, раз она не охотно и подробно, но словно стыдась за человеческую природу, раз она не создает характеров безукоризненно прекрасных и добродетельных.

Аппиан Александрийский «Римские войны» (пер. С.П. Кондратьева)

Вступление, 6. При наличии стольких и столь значительных по величине народов, находящихся теперь под их властью, они когда-то с трудом в течение пятисот лет утверждали свою власть над самой Италией. Половину этого времени у них были цари, затем, изгнав царей и поклявшись, что никогда они не примут себе никакого царя, они с того времени имели аристократический образ правления, при ежегодно сменяющихся правителях, стоящих во главе государства. В течение, главным образом, следующих двухсот лет после прежних пятисот их могущество достигло высшей степени; они победили бесконечное количество иноземных войск и за этот промежуток времени подчинили себе большинство народов. Затем Гай Цезарь, победив всех своих соперников, взял в свои руки власть и, обеспечив ее надежной охраной, сохранил внешнюю форму и имя республики, но себя поставил монархом над всеми. И доныне эта власть остается в руках одного правителя, но они не называют этих правителей царями, относясь, как я думаю, с уважением к древней клятве, но именуют их императорами; так в прежнее время назывались победоносные вожди, на деле же они во всем являются настоящими царями. 7. Время правления императоров до настоящего времени продолжается почти те же двести лет, в которые и город весьма сильно украсился, и доходы государства значительно возросли и все

при длительном и устойчивом мире дошло до процветания и безопасности. И кое-кого в дополнение к бывшим прежде под их управлением народам императоры подчинили своей власти, а некоторые народы, пытавшиеся отпасть, они вновь покорили...

12. Эти события описывали многие из эллинов и многие из римлян, и история эта много длиннее, чем история Македонской державы, которая является величайшей из прежних. Но когда я встречался с таким повествованием и хотел точно познаться с доблестью римлян при столкновении с каждым отдельным народом, сочинение часто переносило меня из Карфагена к иберам, и от иберов в Сицилию или Македонию, или к посылствам, или к союзам, заключаемым с другими народами, а затем оно опять вело меня в Карфаген или Сицилию, словно заблудившегося странника, и снова переносило оттуда, не окончив еще рассказа о бывших там событиях, в другие страны, пока в конце концов я не свел для себя эти отдельные части в одно целое... То же самое сделано мною относительно каждого народа, так как я желал узнать слабость или выдержку народов и доблесть или счастье победителей, или если произошло какое-либо другое событие, содействовавшее их успеху.

13. Сочтя же, что и другой кто-нибудь захочет узнать таким образом историю римлян в таком порядке, я описываю ее по каждому отдельному народу; все же, что за это время происходило у них по отношению к другим народам, я выбрасываю и переносю в историю тех народов. Хронологические же даты приводить при всяком событии я счел излишним, при наиболее же важных из них я время от времени буду их приводить... 14. Три из всех моих книг заключают в себе многое, совершенное римлянами в Италии, должно считать, что эти три книги среди прочих римских являются италийскими, разделены же они вследствие множества знаменательных событий, в них излагаемых, и содержат: первая — события при царях, которых было семь, по порядку все, что было при них, как оно произошло; и я называю ее среди римских книг книгой о царях. Следующая книга содержит изложение событий в остальной Италии, кроме той только ее части, которая находится у Ионийского залива; в отличие от первой она носит название: вторая из римских книг — италийская. С последним же народом — самнитами, которые жили у Ионийского залива, племенем большим и сильным, римляне боролись восемь-десять лет, пока не покорили и их, и сколько с этими последними ни воевало в союзе ближайших народов, и эллинов, сколько их ни живет в нижней Италии; и эта книга в отличие от прежних является из римских книг самнитской. В дальнейшем же каждая из моих римских книг обозначена по образцу этих: кельтская, сицилийская, иберийская, ганнибалова, карфагенская, македонская и подобным же образом последовательно о других странах. Расположены же они одна за другой по порядку того времени, как каждая война началась одна вслед за другой, даже в том случае, если окончательное подчинение этого племени произошло после многих событий, произошедших у других народов. А то, сколько сами римляне восставали друг на друга и воевали во внутренних войнах,

оказавшихся для них самыми страшными, разделено по полководцам отдельных междоусобий: одно — относящееся к Марию и Сулле, другое — к Помпею и Цезарю; третье — к Антонию и другому Цезарю, прозванному Августом, в их войне против убийц первого Цезаря; четвертое же — к ним обоим, самим Антонию и Цезарю, восставшим друг на друга. Благодаря этой войне, которая была последней из внутренних, и Египет оказался под властью римлян и само государство римлян превратилось в монархию. 15. Вот каким образом распределены по книгам каждый из народов или по полководцам — внутренние войны. Последняя же книга покажет и войско их [римлян], сколько они имеют, и доходы, которые они получают с каждого народа, сколько они тратят на морские силы и остальное тому подобное.

Иосиф Флавий «Иудейская война» (пер. Я.Л. Чертка)

Предисловие. 1. Иудейская война с римлянами, превосходящая не только нами пережитые, но почти все известные в истории войны между государствами и между народами и народами, до сих пор описана была в духе софистов и такими людьми, из которых одни, не будучи сами свидетелями событий, пользовались неточными, противоречивыми слухами, другие же, хотя и были очевидцами, искажали факты либо из лести к римлянам, либо из ненависти к евреям, вследствие чего их сочинения заключают в себе то порицание, то похвалу, но отнюдь не действительную и точную историю. А потому я, Иосиф, сын Маттафии, еврей из Иерусалима и из священнического рода, сам воевавший сначала против римлян и служивший невольным свидетелем всех позднейших событий, принял решение дать народам Римского государства на греческом языке такое же описание войны, какое я раньше составил для варваров внутренней Азии на нашем родном языке.

2. Я считаю недостойным умолчать о таких важных событиях и в то время, когда парфяне, вавилоняне, отдаленные аряды, наши соплеменники по ту сторону Евфрата и адявины, благодаря моим трудам, подробно ознакомились с причинами, многочисленными превратностями и конечным исходом той войны, — чтоб рядом с ними оставить в неведении тех греков и римлян, которые в войне не участвовали, и предоставить им довольствоваться чтением лицемерных и лживых описаний. 3. Писатели берут на себя смелость называть эти описания историей, хотя последние, кроме того что не дают ничего здравого для ума, но, на мой взгляд, не достигают даже своей цели. Желая рельефнее выставить величие римлян, они стараются на каждом шагу унижить и умалить иудеев; и они даже не спрашивают себя — каким образом победители ничтожных противников могут казаться великими. С другой стороны, они не принимают во внимание ни долгой продолжительности войны, ни многочисленных потерь римского войска, ни, наконец, величия полководцев, которые, по моему мнению, теряют свою славу, если завоевание Иерусалима, доставшее им в поте лица, не было вовсе таким особенным геройским подвигом. 4. Мое

намерение, однако, ни в коем случае не состоит в том, чтобы в противоположность тем, которые превозносят римлян, преувеличить деяния моих соотечественников; нет, я хочу в точности рассказать обо всем, что действительно происходило в обоих лагерях. Вспоминная о происшедшем и давая скорбное выражение чувствам, возбуждаемым во мне бедствиями, постигшими мою отчизну, я этим удовлетворяю только внутреннюю потребность моей наболевшей души.

Иосиф Флавий «Иудейские древности» (пер. Г. Г. Генкеля)

Предисловие, 1. Я нахожу у лиц, приступающих к составлению исторических сочинений, не одну и постоянно одинаковую к тому побудительную причину, но целое множество их, и в большинстве случаев поводы крайне несходные между собою. Именно, одни стремятся принять участие в научной работе с целью выказать блестящий стиль свой и приобрести себе неизбежную в таком случае славу; другие берутся за такой труд, не смотря на то, что он им не по силам, имея в виду снискать себе расположение тех лиц, о которых им приходится повествовать; существуют, далее, также историки, побуждаемые каким-то внутренним чувством необходимости запечатлеть на бумаге события, в которых они сами были участниками; многих, наконец, побудило величие дотоле скрытых и покоящихся как бы во тьме событий вывести описание последних на свет, на пользу общую. Из указанных здесь причин последние две являются решающими также для меня. Именно, с одной стороны, я, как личный участник, чувствовал необходимость описать происшедшую у нас, иудеев, с римлянами войну, все ее перипетии и конец, ввиду того что существуют лица, искажившие в своих на этот счет описаниях истину.

2. С другой же стороны, я взялся за настоящее сочинение, полагая, что содержание его будет достойно возбудить к себе интерес со стороны греков, так как здесь имеется в виду представить картину всех наших древностей и нашего государственного устройства, критически выведенную из еврейских сочинений... С течением же времени и меня, как это обыкновенно бывает с людьми, решающимися взяться за какое-либо грандиозное предприятие, обуяли лень и сомнение в возможности довести на чужом языке и в чуждой нам форме до благополучного конца такую обширную задачу.

Подписано в печать 25.11.2021. Формат 60×88 1/16. Печать цифровая. Усл. печ. л. 3,2. Тираж 50 экз. Заказ № 276С. Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме», 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел. (812) 766-05-66. www.lenomespb.ru